

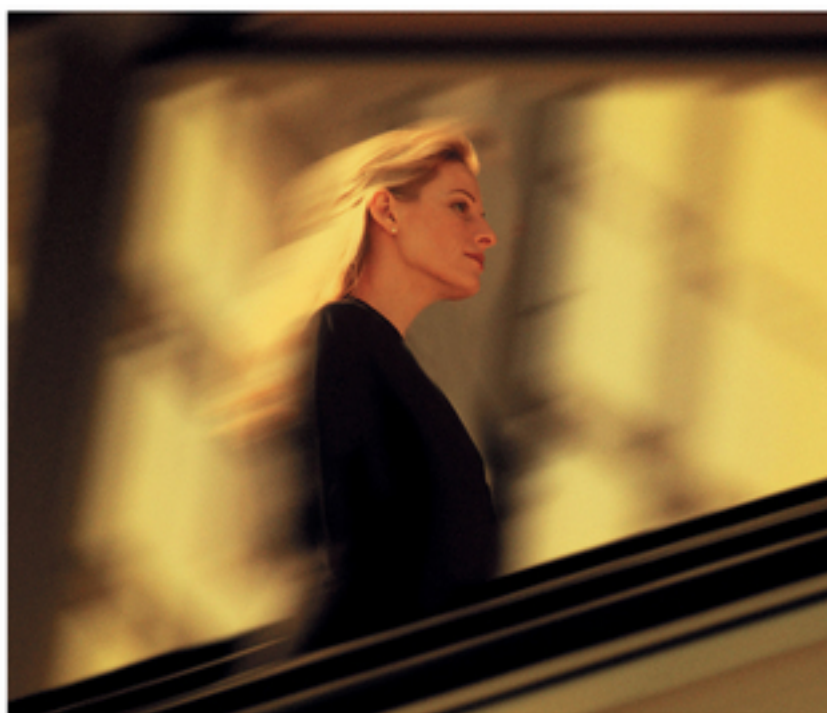
detective.ru

@ Автор

@ Название

Мария
Брикер

Тени
солнечного
города

Издательство «Эксмо»

Мария Брикер

Тени солнечного города

«ЭКСМО»

2006

Брикер М.

Тени солнечного города / М. Брикер — «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-20109-9

«В номере уже было темно, но то, что он разглядел в полумраке, повергло его в полный шок: на полу между спальней и гостиной лежала женщина, и с правой стороны ее головы растеклась темная лужа. Рядом с головой женщины валялась какая-то баночка, Аркадий предусмотрительно не стал брать ее в руки. Он отошел от женщины, включил свет и, вздрогнув, уронил статуэтку Ленина, которую продолжал сжимать в руке, себе на ногу. Боли он даже не почувствовал, болевые рецепторы в растерянности отказались выполнять свои обязанности, а мозг усиленно пытался понять, с чем ему идентифицировать картину, представшую перед ним. Дело в том, что лужа у головы несчастной оказалась не красного, а зеленого цвета».

ISBN 5-699-20109-9

© Брикер М., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Брикер

Тени солнечного города

Часть первая

Глава 1

Распределение ролей

Синоптики – сволочи, опять обманули, пообещали облачность и кратковременные дожди. Смотрю на небо, сквозь тяжелые кроны деревьев мне ухмыляется луна, освещая своим призрачным светом парк и главную аллею. Оглядываю пространство вокруг себя и успокаиваюсь: кусты и деревья хорошо скрывают мой силуэт от посторонних глаз.

Настроение меняется. Нежелательная луна больше не раздражает, напротив, привносит немного мистики и совершенства в эту ночь. Ожидание под дождем куда противнее.

Время течет медленно... Мерзкие писклявые комары атакуют и надоедливо лезут в глаза, путаются в волосах, совершают нападки на обнаженные руки. Аллергия на укусы мелких носатых тварей сделала мою кожу похожей на большой отвратительный ярко-красный волдырь, тело нестерпимо ноет. Не заметила, как расчесала руку до крови... Ничего, это пройдет, это мелочь по сравнению с тем, что я задумала.

В парке стоит тишина... Опасаться нечего. Выглядываю из своего укрытия и занимаю позицию ближе к центральной аллее – ни души в пределах видимости, только я и он – полуслепой, опустившийся алкоголик, брошенный женой и друзьями, – лучший кандидат на придуманную мною для него роль. Он спит, развалившись на кривой парковой лавке, и не подозревает, что жизнь его изменилась с того мгновенья, как только он попал в поле моего зрения.

Смотрю на часы – нужный момент настает. Подхожу к нему и тихо шепчу:

– Просыпайся, пора. Твой выход на сцену.

Он ворочается, будто чувствует мой мысленный посыл. Садится и рефлекторным движением шарит рукой около себя в поисках своих очков. Напрасно старается, ликую я в душе: пока он спал, я легко избавилась от них.

– Привет, – мой голос звучит непривычно фальшиво. Откашливаюсь, поправляю упавшую на лицо прядь волос, подхожу еще ближе.

– Ну здорово, коль не шутишь, – отзывается он, шурит глаза, пытается сосредоточиться и понять, с кем разговаривает. С минуту он вглядывается в мое лицо, хмурится. – Не поздно ли ты, подруга, на прогулку вышла? Мамка не заругает?

Пугаюсь, непроизвольно отступаю от него. Кофта прилипает к мгновенно взмокшей спине, лоб покрывается испариной – не может быть, чтобы он рассмотрел мое лицо. Размышляю, верх берет логика: за моей спиной фонарь, он светит ему в лицо, с таким слабым зрением он может различать лишь мой силуэт. Начинаю соображать, что голос выдает мой возраст. Что-либо менять поздно. Расслабляюсь.

Его начинает трясти. Он теряет ко мне интерес, забывает обо мне, пытается изо всех сил сдерживать накатывающий волнами отходняк. Ему очень плохо. Напоминаю о себе:

– У меня для тебя кое-что есть. – Извлекаю бутылку водки из кармана широкой идиотской юбки с плебейскими подсолнухами и демонстративно подношу к его лицу. Он инстинктивно подается вперед, но неожиданно резко отстраняется. По выражению его лица улавливаю – он пытается понять, что происходит, но ответа на вопрос не находит, и это его злит.

– Только не ври, что пришла ночью в парк, чтобы угостить меня водкой. Говори, что нужно, или уматывай. – Слова даются ему с трудом, разум неожиданно берет верх над животной тягой к спиртному, это удивляет.

– Согласна с тобой, я пришла не для этого. Буду с тобой откровенна. Полная луна обостряет мои желания... от тебя мне нужен секс. Предлагаю сделку – я тебе водку, а ты меня... – не успеваю договорить, он рывком привлекает меня к себе, резким движением разрывает на мне кофту, и несколько пуговиц разлетаются в разные стороны. Стараюсь не смотреть ему в лицо и слежу, как одна пуговица катится по направлению к урне, разворачивается и возвращается, подпрыгивая, обратно к моим ногам... Он улавливает мое напряжение.

– Что, не понравилось?.. Проваливай отсюда, быстро. – Он довольно сильно отталкивает меня. Спотыкаюсь и падаю на заплыванный асфальт. На глазах непроизвольно выступают слезы, текут по щекам, чувствую их солоноватый привкус на своих губах. Не больно, просто противно: ошиблась в расчетах, недооценила его. Он ведет себя непредсказуемо, а время поджимает. Срочно меняю свое амплу и начинаю шумно хлюпать носом.

– Зачем ты так? Распалил – и в кусты, да? Пойми, мне не с кем больше. В нашем городке все друг друга знают, а мне это необходимо! Я больна, сильно больна! Тебе ли не понять, тяга не дает жить нормальной жизнью ни тебе... ни мне.

– Ты что?.. Ты что, в самом деле? – Он начинает верить, испытывает чувство вины и неловкость за то, как обошелся со мной. – Ну, не хнычь. Я думал, шутишь ты, издеваешься. Во, блин, попал! Да ты посмотри на меня, неужели мужика поприличней найти не можешь? Я пью уже больше недели – не уверен, что получится у меня.

– Я помогу, не волнуйся, – подбадриваю его, поднимаюсь и подхожу ближе. – У меня одна просьба, отойдем отсюда в кусты. Здесь очень светло, меня могут увидеть знакомые.

– Пойдем, коли так, – он нерешительно поднимается и какое-то время молчит. Я начинаю нервничать, слишком много времени упущено зря, придется корректировать его позднее. Жду, когда он наконец осмелеет. Пытаюсь представить, о чем он думает. – Имя-то у тебя есть? А то неудобно как-то... – застенчиво спрашивает он.

– Елизавета, можно просто Лиза, – вздыхаю с облегчением: причина заминки – пресловутая сентиментальность.

– А я – Андрей. Давай, Лизка, для начала выпьем... для храбрости.

– Нет, сначала это, а выпить ты еще успеешь, – возвращаю себе уверенный тон, даю понять, что не намерена идти на уступки.

– Ну это, так это, – нервно смеется он, берет меня под руку и отдает себя на волю судьбы. Театральная постановка начинается...

Глава 2

Арестов

Адвокатская контора «Арестов и партнеры» располагалась в центре Москвы и занимала две небольшие комнатки внутри ветхого особняка дореволюционной постройки. Контора открылась чуть больше полугода назад, и работали в ней только два человека: основатель – молодой преуспевающий адвокат Арестов Аркадий Александрович и его застенчивая помощница Ирочка Белозерова.

Несведущих граждан, пришедших с улицы для решения своих проблем, невзрачность, запущенность конторы отпугивала и настораживала. Отпугивала и фамилия адвоката, потому что мало кто из посторонних знал, что произносить ее надо с ударением на первый слог, а не на второй. Такого рода посетители становились клиентами Арестова крайне редко. Тех же, кто пришел, имея при себе рекомендации от друзей и знакомых, фамилия и «художественное оформление» офиса нисколько не смущали. Работая на другие юридические фирмы, Аркадий Александрович приобрел себе репутацию бесприкрытого адвоката по бракоразводным делам. Его имя хорошо знали в определенных кругах, и, хотя гонорар за его услуги вселял ужас в души клиентов, от посетителей, желающих обрести свободу и не остаться на бобах, отбоя не было. Он имел талант в решении имущественных и бытовых проблем: жены, нанявшие его, легко отвоевывали большую часть состояния своих мужей; мужья, оплатившие его услуги, без труда получали опеку над своими детьми.

Рабочий день подходил к концу. Арестов мельком взглянул на часы и вновь посмотрел на посетителя. Посетитель, клиент Арестова по последнему делу, невысокий сухоощавый старичок с козлиной бородкой, сиял как начищенный самовар, не переставая постоянно кланяться, чем утомил несчастного адвоката.

«Пора бы и гонорар уже получить», – раздраженно подумал Аркадий Александрович, широко улыбнувшись старику.

– Спасибо, Аркадий Александрович! Спасибо вам, милейший, за все, – повторил старичок в двадцатый раз и плюхнулся в кресло. Арестов расстроился, выходило, что клиент покидать его не собирался. А где же гонорар?

Старик устроился удобнее и продолжил свои хвалебные речи сидя. Радовало только одно, кланяться он перестал.

– Не знаю даже, как бы я без вашей помощи избавился от моей драгоценной супруги. По правде говоря, я полагал, что мне придется проститься со всем моим имуществом, которое я нажил, поверьте, честным кропотливым трудом! – сокрушенно заявил старик, несколько раз моргнув для убедительности и наконец-то полез во внутренний карман пиджака.

– Не стоит благодарности, Фридрих Эммануилович. Был рад знакомству с вами и надеюсь, что впредь вы будете более осмотрительны, – улыбнувшись во весь рот, сказал Арестов, убирая пухлый белый конверт с приятно шуршащими купюрами в стол.

– В этом можете не сомневаться, Аркадий Александрович. Как только я найду себе новую жену, то сразу обращусь к вам, чтобы составить брачный договор. Всего вам доброго. – Старик встал, еще раз поклонился и направился к выходу. Арестов вздохнул с облегчением. В дверях надоедливый клиент остановился и обернулся, глаза его застлала поволока, выражение лица приняло мечтательное выражение. – И все же, Аркадий Александрович, если бы вы знали, как она была хороша в постели! Но как только она выползала из-под одеяла... Ах, как жизнь несправедлива. – Фридрих Эммануилович Копейкин тяжело вздохнул и вышел за дверь.

В конторе стало тихо, но ненадолго: спустя пять минут в комнату заглянула помощница с обеспокоенным выражением лица.

– Аркадий Александрович, срочно прячьтесь! Госпожа Копейкина пожаловала.

Арестов мельком выглянул в окно. Госпожа Копейкина, бывшая жена Фридриха Эммуиловича, двухметровая крашеная блондинка, милейшая дама, совершенная во всех отношениях, от силиконовых грудок шестого размера до полных сексуальных губ, в которые она при помощи косметологов вкачала пол-литра специального геля, грузно «выпорхнула» из своей машины и решительно направилась в контору. Аркадий отскочил от окна и заметался в поисках укрытия. Взглянув на Копейкину, бесстрашный адвокат сразу понял, что пожаловала она далеко не с мирным визитом. Намерения ее были вполне очевидны – они угадывались по враждебному выражению лица, по мстительно сверкающим голубым глазам и по бейсбольной бите, которую она крепко сжимала в своей «нежной» ручке.

– Я вас прикрою, – успокоила его помощница и выскользнула из помещения, плотно прикрыв за собой дверь.

Арестов, недолго думая, вытащил из шкафа старые дела и юркнул в пропахшее пылью пространство. При нормальных обстоятельствах поместиться в маленьком шкафу было определено невозможно, но страх сделал тело Арестова на удивление гибким и податливым. Раньше он даже не подозревал о такой особенности своего организма. Втиснувшись между полками, Аркадий Александрович подумал, что, возможно, в нем умер гениальный цирковой артист, и, скорее всего, в юности он выбрал не ту профессию.

В приемной стоял переполох, из чего следовало, что силиконовая девица действительно не на шутку рассержена. Ирочка стойко сдерживала натиск, но силы были явно не равны – дверь в кабинет с шумом распахнулась, и в комнате сразу запахло стойким ароматом дорогих приторных духов, лаком для волос, мятной жвачкой и еще чем-то непонятным, от чего у Арестова нестерпимо зачесалось в носу, заслезились глаза и стало нечем дышать.

– Я же сказала вам, что его нет. Час назад он уехал домой, – настойчиво повторила помощница.

– Не пудри мне мозги, дорогуша. Машина его здесь, значит, он еще на работе. Где он? – взвизгнула блондинка, цепким взглядом осмотрела комнату и, не обнаружив его в кабинете, треснула бейсбольной битой по рабочему столу Арестова. Удар был таким сильным, что у Аркадия заложило уши и страшно заболел затылок.

– Прекратите безобразничать, а то я вызову милицию, – нерешительно пропищала Ирина. – Аркадий Александрович уехал домой, а машина его здесь, потому что сломалась.

– Ха-ха-ха! – выдавила из себя иронический смех блондинка. – Где это видано, чтобы новенькие «Тойоты» ломались? Сказки будешь шефу своему рассказывать о причинах опозданий на работу. А мне можешь лапшу на уши не вешать! Ты бы лучше порядок в кабинете навела, а то все дела по полу раскиданы... – Неожиданно блондинка замолчала и во все глаза уставилась на шкаф, в который залез Арестов, затем решительно подошла к нему и распахнула дверцы. Аркадий, сложенный вчетверо, широко улыбнулся.

– Здравствуйте, уважаемая Аграфена Ивановна, – сказал адвокат, когда его легко, как пушинку, вытащили из шкафа и подняли над полом. – А я вот тут документы в порядок приводил, пыль протирал... Чем обязан столь позднему визиту? Вы вроде не записаны на сегодня? Но все равно я очень рад!

– Рад он, – сквозь зубы процедила блондинка. – Разорил меня – и рад!

– Поставьте Аркадия Александровича на пол! Немедленно! – закричала Ирина, взволнованно прыгая вокруг.

– Исчезни, пигалица толстозадая. Нам с Аркадием Александровичем поговорить надо, – проворчала госпожа Копейкина, но тем не менее поставила адвоката на пол.

Аркадий, обретя под собой твердую почву, почувствовал себя более уверенно. Он поправил галстук, откашлялся и жестом показал Ирине, чтобы та вышла. Ирина тяжело вздохнула, окинула прощальным взглядом своего шефа, как бы невзначай подхватила бейсбольную биту, по неосторожности оставленную дамой на столе, и удалилась.

– Аграфена Ивановна, присаживайтесь, будьте любезны. Не знаю, почему вы так недовольны? Мне удалось отбить у вашего мужа отступные для вас: квартиру, машину и даже дачу.

– Квартиру?! – вытаращила глаза Копейкина. – Да ты видел эту квартиру: халупа трехкомнатная на окраине города! Да мои сиськи стоят дороже, чем эта квартира!

– Ну, не такая уж и халупа, и не совсем на окраине города. Опять же – машина, дача...

– Дача-срача – сарай на трех ногах! Ни одна приличная женщина не будет проводить свой отдых в подобном месте! – Копейкина тряхнула наращенными волосами и плюхнулась на стул, оголив свои толстые колени. С минуту она враждебно смотрела на адвоката, затем успокоилась, Арестову даже показалось, что она немного уменьшилась в размере, сдулась, как резиновый шарик. Ее по-боевому размалеванное лицо приняло печальное выражение, из ярко накрашенных глаз потекли крупные разноцветные слезы, и она лихорадочно захлопала ресницами. – Сволочь ты, Арестов! Разорил меня! Лишил надежды на будущее! Думаешь, я с этим старым засранцем целый год в постели кувыркалась просто так? Все его капризы и прихоти выполняла, мое роскошное тело давала лапать семидесятилетнему козлу ради этого сарая? Я ведь о домике на Кипре мечтала и о квартирке в центре Москвы. Вот была бы жизнь: летом – там, зимой – здесь... А ты взял и все мои мечты обломал!

– Аграфена Ивановна, прошу вас, не плачьте, – протягивая толстую пачку салфеток, сочувственно сказал Арестов. – Вы молоды, очень красивы, сексуальны. Да на свете полно состоятельных мужчин, к тому же среди них есть не только старые козлы, но молодые и привлекательные. Какие ваши годы, успеете еще насладиться прелестями жития на Кипре, да не со стариком, а с человеком для души.

– Мне уже двадцать девять! – сокрушенно заявила Аграфена, случайно забыв включить в счет своего возраста ровно десять лет.

– Так мы с вами почти ровесники! – радостно воскликнул Аркадий и опять улыбнулся во весь рот. – Я и говорю, у вас все еще впереди. Но в следующий раз, когда соберетесь замуж, перед тем как зарегистрировать свой брак, загляните ко мне, я составлю для вас эксклюзивный брачный контракт, который будет учитывать все ваши интересы. Бесплатно составлю, обещаю.

Аграфена перестала плакать, заинтересованно посмотрела на Аркадия и приподняла сильно выщипанную бровь, щедро подведенную черным карандашом. Выражение ее лица, однако, не понравилось Арестову. Кроме деловой заинтересованности, Аркадий уловил во взгляде ее плотоядных глаз настрой на него, как на мужчину. Видимо, его статус поменялся, совершив в ее сознании несколько стремительных скачков от врага до делового партнера, а из делового партнера – в объект охоты.

– Аркадий, – с тихим придыханием сказала Копейкина, – я думаю, нам необходимо обсудить это в более спокойной, непринужденной обстановке. Возможно, квартира, которая досталась мне с вашей помощью после развода, действительно не так уж и плоха... особенно для встреч интимных. Завтра в это же время вас устроит?

Аркадий исподлобья покосился на госпожу Копейкину, остановив помимо своей воли взгляд на ее внушительном бюсте, и вдруг отчетливо представил, как он будет колыхаться во время бурной страсти. Перспектива оказаться наедине с Аграфеной Копейкиной на ложе любви так напугала его, что вызвала судороги во всем теле и усиленное потоотделение в подмышках. Но в грубой форме отказать даме он себе позволить не мог, к тому же, несмотря на то, что бейсбольная бита была нейтрализована находчивой помощницей, у Копейкиной оставалось еще много возможностей лишить его жизни при помощи любого другого предмета, который подвернулся бы под ее горячую руку.

– Ах, Аграфена, как соблазнительно звучит ваше предложение, – изобразив на лице ужасное сожаление, пропел он. – Как бы я мечтал об этом, если бы... если бы я... Мне неудобно говорить, но я...

– Ты что, «голубой», что ли?! – воскликнула Копейкина и тем самым пришла на выручку бедному адвокату. Аркадий спорить не стал, скромно потупил глаза и тяжело вздохнул, показывая Копейкиной, что она точно попала в цель. Сначала он хотел соврать, что женат, но вывод Копейкиной, который просто не приходил ему в голову по причинам, вполне понятным для мужчины нормальной ориентации, оказался даже лучшим вариантом мягкого отказа от предложенного интима. – Так я и думала, – разочарованно вздохнула она и встала. – Ну что за скотская жизнь! Почему мне так не везет? Все богатенькие либо молодые, красивые, умные, но «голубые», либо натуралы, но старые козлы. Ладно, хрен с тобой – живи пока. Как только выгодная партия на горизонте замаячит, я тебя навещу. Да, бесплатный совет на прощание: предохраняйся как следует. Ты мне живой и здоровый нужен! Целую, бай-бай.

За Копейкиной закрылась дверь. Аркадий вскочил со своего кресла и распахнул окно. Удушливый аромат, витавший в воздухе после ухода блондинки, смешался с запахами летнего вечера и выхлопных газов, немного разряженных грозowymi послеобеденными ливнями.

– Вы живы? – спросила помощница, заглянув в комнату. – Слава богу! Если я вам больше не нужна, я пойду, Аркадий Александрович, – муж дома заждался.

– Конечно, иди, Ира, – разглядывая внутренний дворик, сказал Арестов. – Спасибо тебе за помощь.

– Не за что, – смутилась помощница. – А вы когда домой собираетесь? Дел-то на сегодня никаких нет.

– Я сейчас, немного в себя приду и поеду.

– Дверь на сигнализацию не забудьте поставить, – назидательно сказала Ирина и вышла. В приемной процокали ее каблучки, хлопнула входная дверь, и в конторе все стихло.

Арестов вздохнул с облегчением. Ирочка Белозерова работала на него около двух месяцев. До появления Ирины в его конторе Арестов сменил четырех ассистенток. Причина текучести кадров была на удивление банальна – вместе с работой особи женского пола приступали к штурму его сердца и штанов. Такой поворот событий в планы Аркадия Александровича не входил, и он незамедлительно расставался с подобными сотрудницами. Ирочка была другой, она обожала своего мужа – о чем в лоб сообщила Арестову на собеседовании, оценив по-своему его невинный вопрос о ненормированном рабочем дне. Еще Ирочка, невинно хлопнув глазами, прямолинейно заявила, что спать с ним не будет ни при каких обстоятельствах, чем шокировала адвоката окончательно, и он, растерянно промямлив, что ни о чем таком и не помышлял, попросил ее приступить к работе немедленно. Впоследствии Арестов ни разу не пожалел об этом. И хотя Ирина немного раздражала его своей чрезмерной заботой, но как сотрудница была незаменима, поэтому он мирился со всеми ее недостатками и боялся ее потерять.

В редкие дни, свободные от срочных дел, Ирочка пыталась отправить его домой пораньше, ругала, что он мало отдыхает, и волновалась о том, что он много работает. Наивная помощница не предполагала, что шеф часто взваливает на плечи много работы и задерживается допоздна в конторе потому, что пытается оттянуть время возвращения в свою холостяцкую берлогу. В просторной, сверкающей новеньким евроремонтом квартире, среди дорогой мебели и техники последнего поколения он чувствовал свое одиночество и тоску гораздо сильнее, чем в своей пока еще неблагоустроенной конторе. На работе он жил жизнью других людей, и это помогало ему забыться и не думать о прошлом...

Домой идти не хотелось. Он послонулся по офису, выпил пару кружек кофе, собрал в шкаф все разбросанные дела и задумался над тем, чем бы еще себя занять до наступления темноты.

Резкий телефонный звонок стер очередную скучную идею относительно вечернего времяпрепровождения, которая уже наклеывалась в его мозгу. Арестов посмотрел на часы – было около половины девятого. «Все правильно, – подумал он, – Ира доехала до дома и теперь про-

веряет, уехал ли я. Вот ведь неутомная!» Некоторое время он стоял в нерешительности, размышляя, брать трубку или нет, но телефон трезвонил, продолжая настойчиво действовать на нервы, и Аркадий не выдержал.

– Я уже в дверях, Ира. Сейчас поставлю контору на сигнализацию и ухожу, – выпалил он быстро в трубку, не желая больше слушать лекции о здоровом образе жизни и чрезмерном переутомлении.

– Будьте добры Аркадия. Простите... Аркадия Александровича Арестова, – услышал он приглушенный женский голос, и голос этот принадлежал не его помощнице, как он предполагал, а совершенно другой женщине. В глазах потемнело от нахлынувших воспоминаний. Прошлое придавило своей тяжестью, скомкало и раздавило его. Некоторое время он молчал, не в силах совладать со своими эмоциями, – пауза затянулась. На том конце провода тоже молчали.

– Маша? – тихо спросил он, стараясь, чтобы голос его предательски не дрогнул и не выдал его волнения.

– Да, это я, – удивленно сказала женщина. – Как ты меня узнал, Аркаша? Столько лет прошло. Я уже и не Маша, а Мария Сергеевна Громова.

– Как я могу тебя не узнать, Маша? Твой волнующий голос сводил нас всех с ума в школе, особенно когда ты вдохновенно читала Пушкина, – шутливо сказал Арестов. Шок от неожиданного звонка стал понемногу проходить, удалось даже выровнять дыхание.

– Мне не до шуток, Аркаша, – устало сказала женщина.

– Прости, у тебя что-то случилось? Ты ведь не просто так позвонила?

– Не просто. Андрея арестовали по подозрению в убийстве. Мне очень плохо, Аркаша. Я не знаю, что делать. Я бы никогда не побеспокоила тебя, но... – она не договорила и заплакала. В трубке послышались ее приглушенные всхлипывания.

– Не плачь, Машенька. Я сейчас приеду, и мы все обсудим. – Он схватил ручку и спросил: – Диктуй адрес, я буду через полчаса.

– Мне немного неудобно. Мы живем сейчас не в Москве, и уже поздний вечер... – неуверенно сказала Маша и замолчала.

– Да не грузись ты, диктуй адрес, я на машине поеду, а не на электричке, – немного грубо сказал Аркадий, чтобы снять с Маши напряжение. Она успокоилась и обрадовалась, торопливо продиктовала адрес, словно опасаясь, что он в любую минуту передумает и откажет ей в помощи, объяснила, как проехать к ее дому, и они простились.

Но Аркадий и не думал отказывать в помощи женщине, ради которой он жил все эти годы. Этого момента он ждал четырнадцать лет. Ждал, что она позвонит ему, попросит о встрече, они встретятся, и он сможет наконец доказать ей, что она сделала когда-то неправильный выбор.

Маша медленно положила трубку на рычаг и уронила голову на стол. Этот звонок дался ей с большим трудом, забрал последние силы, опустошил, вымотал... Два дня она пыталась набрать этот номер, но не решалась, ей было страшно. Она боялась, что Аркадий не захочет с ней говорить или сухо объяснит, что она позвонила не по адресу. Тысячу раз она прокручивала в голове их возможный диалог, настраивалась на худшее, прикидывала, что скажет ему, как объяснит свой звонок, снимала трубку, набирала несколько цифр и бросала ее на рычаг. Откуда же ей было знать, что Аркадий без лишних слов сам предложит ей помощь? Откуда ей было знать, что он узнает ее спустя столько лет и обрадуется ее звонку? Все решилось без затруднений, но напряжение не отпускало, руки тряслись, в груди неприятно щемило. «Теперь все будет хорошо, – успокаивала себя Маша, – волноваться не о чем. Теперь все будет хорошо. Он приедет через час, через два. Он согласился помочь. Все будет хорошо... Аутотренинг подействовал, она расслабилась, удобнее устроилась на стуле, положила под голову руку и провалилась в глубокий сон. Она спала и улыбалась во сне, ее оставили проблемы, боль и разочаро-

вание. Она вновь вернулась в детство. Там было тепло и уютно, пахло вишневым вареньем и жареной картошкой с грибами, мама читала ей сказки на ночь и целовала в лоб перед сном. Там она была счастлива...

* * *

Аркадий потратил на дорогу около двух часов. Большую часть времени он плутал на машине по темным улицам города Солнечного. Фонари, освещающие улицы-близнецы, явно отлынивали от своих обязанностей, а горожане этого подмосковного городка, люди приветливые и общительные, к несчастью, обладали одним существенным недостатком: все как один страдали топографическим кретинизмом. Подробно расспросив Арестова о цели его визита и о московских новостях, они с радостью объясняли ему, как проехать на нужную улицу, но объясняли так, что Аркадий каждый раз почему-то оказывался в разных частях города или упирался в тупик. После бесполезных и утомительных попыток опросить местное население Аркадий решил действовать самостоятельно и начал методично объезжать окрестности, исследуя квадрат за квадратом. Маша, поселившаяся в этом городе, видимо, заразилась от горожан тем же неизлечимым заболеванием – перечитывая запись подробного объяснения о том, как найти дорогу, Аркадий так и не увидел ни одного указанного ею ориентира.

Наконец ему повезло. Дом номер пятнадцать располагался в самом конце Сиреновой улицы, и Арестова уже не удивило то обстоятельство, что домов на этой улице оказалось всего семь.

Аркадий припарковал машину и огляделся. Окружающая обстановка ничем не радовала: обшарпанная помятая пятиэтажка, белье, сохнущее во дворе, бродячая серая собака с облезлым боком – и ни одного куста сирени в пределах видимости. Складывалось такое впечатление, что он попал в послевоенное время, которое, по причине своего возраста, видел только в кинофильмах. Арестов вошел в подъезд – в нос ударил запах кошачьей мочи, плесени и дешевой жареной рыбы. Все выглядело настолько удручающе убого, что ему стало не по себе.

«Неужели Андрей с Машей живут здесь? Может быть, я ошибся адресом? Все перепутал и приехал не в тот город? Поэтому и не нашел ни одного указанного Машей ориентира. Не могу в это поверить! Андрюшка Громов, сын обеспеченных родителей: папа – генерал, мама – холеная, ухоженная красавица, шикарная квартира, антикварная мебель, распланированное будущее на много лет вперед и лучшие шмотки в районе», – размышлял Аркадий. Он тогда ни секунды не сомневался, что Маша выбрала себе в мужа Андрея именно из соображений будущего благополучия. В тот день он ушел, оставив их вдвоем, и твердо решил добиться всего, что имеет Андрей. Поступил в институт, днем учился, по вечерам подрабатывал, по ночам до одури учил конспекты. Окончил институт с красным дипломом, работал до изнеможения на чужих людей, терпел унижения и добился всего – только ради того, чтобы доказать ей, что он не хуже Андрея. Все эти годы он думал только о ней, о сероглазой стройной девушке с тяжелой темно-русой косой, в которую она вплетала разноцветные ленты, о девушке в белом легком платье... Такой он видел ее в последний раз, такой он видел ее во сне, такой он запомнил ее навсегда.

Но сейчас, поднимаясь по заплеванным ступенькам на ее этаж, оглядывая исписанные ругательствами стены и ощущая запах нищеты, он почему-то не испытывал чувства удовлетворения, а, напротив, ему стало неловко за свою обеспеченность и благополучие. Он шел и с каждой секундой замедлял шаги. Он не знал, что скажет ей, когда увидит. Как он начнет разговор, когда переступит порог ее квартиры? Что скажет ему она? Подойдя к квартире, он совсем растерялся. Несколько минут стоял, не в силах позвонить в дверь, наконец решился.

Глава 3

Долгожданная встреча

Дверь открылась. Аркадий увидел перед собой усталую худую женщину с короткими волосами с проседью... «Это не может быть она, – растерянно подумал он. – Это какая-то ошибка. Но если это ошибка, почему тогда эта женщина приглашает меня войти в квартиру?»

– Здравствуй, Аркаша, – услышал он знакомый голос и вздрогнул. Да, это была она, любовь всей его жизни, рано постаревшая и изменившаяся до неузнаваемости. – Что, не узнал? – задала она ему вопрос в ответ на затянувшееся молчание.

– Ну что ты, Маша! Узнал, конечно, – придя в себя после шока, начал оправдываться Арестов. – Просто... эта прическа... тебя немного изменила... но тебе идет этот симпатичный ежик. И цвет волос тебе идет... он необыкновенно сочетается с твоими дымчатыми глазами, – выкручивался Аркадий, стараясь сгладить неловкое положение, в которое поставил Машу и попал сам. «Идиот несчастный, – ругал он себя. – На что ты, собственно, рассчитывал? Что она встретит тебя в белом платье и с лентой, вплетенной в косу? Ведь даже мысли ни одной не возникло, что за четырнадцать лет женщина может так измениться».

– Ладно, льстец. Проходи уже, что в дверях стоишь. Дай я тебя рассмотрю как следует, – он вошел в квартиру, неуклюже протянул ей коробку конфет и бутылку вина. – Да... хорош, – улыбнулась Маша. – Хорош, ничего не скажешь. Твоя Ира, наверное, в тебе души не чает? Пойдем, я тебя кофе буду поить.

– Какая Ира? – тупо спросил Арестов, не понимая, что имеет в виду Маша.

– Тебе лучше знать, какая. Это ведь перед ней ты отчитывался, когда я звонила, о том, что скоро приедешь домой.

– Ах, это! – Аркадий наконец-то понял смысл ее вопроса и расхохотался. – Это моя ассистентка – жутко волнуется о моем здоровье и допекает каждый вечер.

– И как твоя жена смотрит на такую трогательную заботу? – осторожно спросила Маша и как-то странно посмотрела на него.

– Я не женат.

– И что, никогда не был?

– Нет.

– Надо же! Куда только женщины смотрят? Что только им надо? Ой, прости... – спохватилась Маша и покраснела. – Прости, это не мое дело.

– Да ничего страшного. Я сам виноват. Слишком работой загружен. Ну и вообще... – Он не договорил. Маше ни к чему было знать, что значило для него это «вообще» в течение предыдущих четырнадцати лет.

– Есть хочешь? – перевела она разговор. – Правда, я не ожидала, что ты приедешь сегодня. Но у меня есть колбаса и сыр, могу соорудить тебе бутерброды.

– Если тебе не трудно. Я с удовольствием перекушу, – обрадованно согласился Арестов, и ему стало неловко, что, кроме конфет и бутылки вина, он не догадался ничего больше купить по дороге.

Она провела его в комнату, усадила в кресло и ушла на кухню. Аркадий огляделся. Комната была чистой и просторной. Обстановка была бедной, но угадывалось желание хозяев сделать все, чтобы придать убогому жилищу комфорт и уют. Стены с потускневшими обоями были увешаны фотографиями в рамочках, на окне занавески из недорогой ткани, но очень хорошо сшитые и приятной расцветки, кружевные старомодные салфетки на комод и телевизоре, тщательно задрапированная тканью мягкая мебель, много икон в углу...

Он подошел к стене с фотографиями: на одной из них была Маша, почти такая же, какой он ее помнил, на другой – Громов в военной форме. Вот Громов обнимает Машу за талию, они смеются и смотрят друг на друга с любовью...

Вернулась Маша с тарелкой, доверху наполненной бутербродами, на столе появились бокалы, бутылка вина, конфеты и кофе. От переживаний, вызванных встречами с Машей, у Аркадия зверски разыгрался аппетит, и он начал с жадностью поглощать бутерброды.

– Ну ты и обжора, – рассмеялась Маша. – А почему ты вино не разливаешь? Давай выпьем за встречу, как-никак не виделись столько лет.

– Прости, ну я и свинья, – оправдывался Аркадий, прожевывая четвертый по счету бутерброд, – просто не ел целый день, некогда было.

Он откупорил бутылку великолепного красного вина и разлил его по бокалам. Они чокнулись и выпили, опустошив бокалы до дна. Он, не спрашивая желания дамы, разлил еще по полному бокалу. Они опять выпили. Вино смягчило неловкость. Аркадий перестал чувствовать скованность и откровенно посмотрел на Машу. Она тоже расслабилась, ее болезненная бледность сменилась легким румянцем, потускневшие глаза оживились.

– Ну что, подруга, рассказывай теперь, что произошло с твоим благоверным? В драку, наверное, ввязался? – попытался он предугадать события.

– Хуже, Аркаша. Намного хуже. Андрея обвиняют в убийстве молоденькой девушки, и не только в убийстве...

– Что значит – не только в убийстве?

– Не могу я, Аркаша, погоди... Язык не поворачивается вслух сказать. Я так виновата, Аркаша, так виновата! Из-за меня это все случилось. Если бы не я, он не очутился бы ночью в парке. Ничего не произошло бы. А он, дурак, еще и очки свои потерял – без них он почти ничего не видит, только силуэты и яркие цветочные пятна, вот и вляпался в историю.

– Господи, Маша, не пугай меня. Что значит – ты во всем виновата? Давай ты мне подробно все расскажешь.

– Подробно не получится, Аркадий. Да и неинтересно это. Поначалу все хорошо было, до того момента, пока отца Андрея не арестовали, обвинив в связи с ГКЧП. Как только это произошло, все пошло под откос, и с каждым днем мы катились все дальше в пропасть. Квартиру в центре потеряли, по гарнизонам мотались, две войны пережили... У нас такая жизнь была, Аркаша, – все наперекосяк! Знаешь, я ведь не этого ждала от жизни. Думала, что со мной не может ничего плохого произойти. Думала, буду счастлива! Но – не сложилось. Деток не нажили и живем в помойке. А теперь еще это! Андрей очень хороший человек, я люблю его, но война сломала его и изменила. После ранения головы он зрение потерял. Надежда была, но, пока я денег набрала, операцию делать было уже поздно. Это его подкосило окончательно, пить начал, не сильно, но... Меня от запаха перегара так воротило, что я не могла даже с ним близость иметь, а он все время настаивал.

– Он бил тебя? – тихо спросил Аркадий, заметив на скуле у Маши шрам.

– Он все время настаивал, а я не могла, не могла преодолеть себя! Мне бы к психологу обратиться, дуре бестолковой, и его с собой прихватить... Ты не думай, это всего один раз было, довела я его до белого каления. Все, знаешь, так глупо получилось. Годовщина нашей свадьбы была. Он такой счастливый домой пришел, сообщил, что получил компенсацию. Шампанское, цветы, свечи, музыка... Выпили немного, он закружил меня в танце, я расслабилась, обняла его, поцеловала... Он это как согласие с моей стороны расценил, а я в последний момент... В общем, из-за этого все и произошло. Он на коленях ползал, прощения просил, но я не простила, собрала вещи и к маме в Москву уехала. Пожила я немного у мамы, злость моя понемногу улеглась, но я медлила с возвращением. Мне хотелось проучить его за то, что я пережила, пока он был на войне, ведь второй раз он по собственному желанию в Чечню поехал, потребность у него в этом была! А потом этот страшный звонок от следователя...

– Его обвинили в изнасиловании и убийстве? Ты это хотела мне сказать? – потрясенно спросил Аркадий.

– Почти... – подавленно сказала Маша.

– Что значит – почти?

– Адвокат объяснил мне, что девочку не только убили, но после ее смерти совершили насильственные действия сексуального характера над ее телом. Но это же полный бред! Я бы поверила, может быть, в то, что он занялся с этой малолеткой любовью, но надругательство над трупом – это уж слишком!

– Постой, Маша, ты сказала – адвокат? Значит, адвоката ты уже наняла?

– Да, но Громов отказался от его услуг. Мне он тоже не особенно нравился. Сразу сообщил мне, что Громов, без сомнения, виновен, и ему необходимо признаться во всем. Просил меня, чтобы я по возможности повлияла на мужа, и если Андрей сознается, он все устроит так, что Громова поместят в специальную клинику для душевнобольных и он сможет выйти оттуда уже через пару лет, но это – только при условии, что Громов во всем признается.

– Интересный кадр. Где ты его нашла?

– Он сам меня нашел. Он наш, местный. Я ведь тут в городе никого не знаю. Он пришел, и я обрадовалась, что одна проблема решилась сама собой.

– Андрей, значит, не сознался?

– Конечно, нет! Я же сказала – его подставили! Наверняка накачали чем-нибудь, поэтому он ничего не помнит. Но кого волнуют мои предположения? Следователь с первого дня был уверен, что именно Громов – убийца и насильник. Расспрашивал все, что это у меня с лицом. Конечно, я ему ничего не сказала, ну, что это Андрей меня ударил, объяснила, что неудачно упала, но, на мой взгляд, ему было все равно, что я отвечу: для себя он уже сделал вывод.

– Что он еще спрашивал?

– Что еще? Спрашивал, сильно ли муж изменился после Чечни, отразилось ли его ранение на его характере. Я, понятное дело, защищала Андрея, но этот Егоров гнул свою линию: если муж такой положительный во всех отношениях, почему я тогда к маме уехала и бросила инвалида одного? Интересовался, много ли пил Андрей, часто ли напивался, как долго длился запой. И даже как проходила наша с ним сексуальная жизнь. Это был кошмар! Я домой приехала, а тут все перевернуто вверх тормашками – обыск они делали и даже меня не дождались. Соседи со мной не здороваются, перешептываются за моей спиной, я в магазин лишний раз выйти боюсь. Что делать, Аркаша? Я не знаю, что делать!

– Успокойся, я постараюсь все выяснить. У меня есть друзья, я попрошу кого-нибудь из них заняться этим делом.

– Ты хочешь сказать, что отказываешься помочь нам? Ну что же, я все поняла... – холодно сказала Маша и встала.

– Сядь! – резко сказал Аркадий. – Ты ничего не поняла. Я не отказываюсь. У меня специализация другого рода. Я адвокат по бракоразводным делам, а Громову нужен профессионал по уголовному праву.

– Значит, ты не имеешь права братья за уголовные дела? – тихо спросила Маша, вновь усаживаясь в кресло.

– Имею, но ни один уважающий себя адвокат не станет братья за дело, которое не входит в его компетенцию. У меня есть друзья, они смогут...

– Нет! Я хочу, чтобы ты! Только ты сможешь ему помочь! Ты знал его с детства. Он, конечно, изменился за столько лет, но, поверь мне, на убийство он не способен! Аркашенька, пожалуйста, согласись! Он тебе поверит, расскажет, как все было. Я заплачу, ты не думай. – У Маши началась истерика, спорить с ней было бесполезно.

– Я согласен, успокойся! – крикнул Аркадий, не выдержав ее слез. – Надо было сразу обратиться ко мне, а не связываться со всякими проходимцами – столько времени упущено зря. И, Маша, если ты мне еще раз про деньги скажешь, я брошу это дело – понятно?

– Понятно, – судорожно всхлипнула Маша, виновато пряча глаза.

– Андрей и ты мне не чужие люди, – продолжил Аркадий. – Я ведь искал вас несколько лет назад, но вы в это время по гарнизонам мотались. Это мне твоя мама поведала.

– Значит, ты простил меня... что я тогда не тебя выбрала? – неуверенно спросила Маша и смущенно улыбнулась.

– Конечно, все в прошлом, – улыбнулся Аркадий в ответ. Он говорил чистую правду. Сегодня, увидев Машу, он неожиданно для себя осознал, что страсть его принадлежала другой. Той, которая осталась тогда с его лучшим другом: сероглазой стройной девушке с длинной темно-русой косой. Еще он вдруг отчетливо понял, что не за деньги вышла Маша замуж, а за Андрея, иначе не стала бы она столько лет скитаться с ним по гарнизонам, ждать возвращения мужа с войны и умолять его, Аркадия, о помощи.

– А что ты подумал, когда я выбрала не тебя? – неожиданно спросила Маша и кокетливо посмотрела на Аркадия.

– К чему все это, Маша? – смутился Арестов. – Зачем ворошить прошлое? Любила Громова, поэтому и выбрала. А как ты меня нашла? – попытался он перевести разговор на другую тему.

– Гришка Петров помог. Мы случайно с ним в Москве встретились, он все о тебе и рассказал. А по поводу – любила, не любила, – тут ты ошибаешься. Я и тебя, и его любила одинаково сильно. Когда вы меня перед выбором поставили – я растерялась. Всю ночь мучилась, не спала, но так и не определилась. Уже перед выходом из дома я так разозлилась, что решила послать вас обоих к черту, но увидела в прихожей колоду карт. Постояла я около этой колоды пару минут и подумала – будь что будет: если вытяну черную масть – выберу тебя, а красную – Андрея.

– И ты вытянула красную, – подытожил Аркадий, и душа его в один миг обрела равновесие и спокойствие. Он подошел к Маше и, обняв ее за плечи, поцеловал в щеку. – Какая же ты глупая, Машка, – разве можно было полагаться на карты в таком серьезном деле?

– Знаешь, Аркаша, не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы я выбрала пики или крести, но сейчас, много лет спустя, это уже не так важно. Пусть моя жизнь, которая принесла мне много боли и разочарования, была и ужасна, но все это время я любила Андрея и люблю до сих пор. Помоги ему, Аркаша, пожалуйста!

– Сделаю все, что возможно, обещаю, – твердо сказал Аркадий. – Ну, я пойду, уже совсем поздно.

– Ты с ума сошел! – засуетилась Маша. – Я тебя никуда не отпущу. Оставайся, у нас полно места. Я постелю тебе на диване, – сказала Маша и умчалась в другую комнату, не дожидаясь его согласия.

Он не стал спорить, ехать домой было действительно поздно, голова раскалывалась от обилия информации, чувств, эмоций и выпитого вина. Утром ему придется встать рано и решить кучу дел: встретиться со следователем, все оформить, договориться о встрече с подзащитным. Затем он снимет номер в гостинице в городе Солнечном и... с этими мыслями он уснул.

Глава 4

Странная нестыковка

– Вы с ума сошли, Аркадий Александрович! Вы же гражданский адвокат! У вас нет опыта в подобных делах! Зачем вы взялись за это? Немедленно откажитесь, вы проиграете дело, испортите себе карьеру и потом будете себя всю жизнь корить, что не спасли человеку жизнь, потому что ваши амбиции взяли верх над здравым смыслом! – кричала Ира в трубку, и он в первый раз не знал, что ей возразить.

– Успокойся, Ира, – слабо отбивался Арестов от упреков своей помощницы. – Я справлюсь.

– Но у вас же огромное количество знакомых, великолепных профессионалов, которые специализируются в данной области, – не унималась Ира.

– Я же сказал, что справлюсь, и ты мне поможешь. Пойми, я не могу отказаться, это мои близкие друзья.

– Тем более, Аркадий Александрович, откажитесь, – чуть не плача, уговаривала его помощница.

– Я уже все решил, Ира, – жестко сказал Арестов. – Я уже успел пообщаться со следователем, встреча с подзащитным у меня через полчаса, так что сиди и жди моих указаний, я тебе позвоню. Да, чуть не забыл, отказывайся от всех дел, говори всем, что я в отпуске. Я временно остаюсь в этом городе, чтобы не мотаться каждое утро туда и обратно и быть в курсе всех событий. Как только устроюсь в местной гостинице, я с тобой свяжусь и сообщу свои координаты. Пока связь через мобильник. – Аркадий простился с Ириной и отсоединился.

Он вел машину и обреченно думал о том, что Ира была абсолютно права, зря он согласился, но отступить было поздно, тем более что предварительное следствие завершено, обвинительное заключение составлено, и дело еще не передано в суд только потому, что Громов пока что не успел ознакомиться с материалами дела, которые по закону должны быть представлены ему и его защитнику. Если бы Аркадий не согласился, то сегодня или завтра следователь сам бы принял меры для вызова другого защитника, и уже вполне понятно, какого рода адвокат это мог бы быть.

Аркадий приехал в следственный изолятор и, пока не привели Громова, начал изучать материалы дела. Прочитав обвинительное заключение, он тяжело вздохнул – никакой надежды, что можно вытащить Андрея из тюрьмы, не было. Все говорило о виновности Громова. Он еще раз перечитал обвинительное заключение, и примерный ход преступления стал вырисовываться у него в голове.

Погибшую девушку звали Лиза Самарина. Вечером, около двадцати трех часов, она, как обычно, пошла гулять со своей собакой в парк и пропала. Главной свидетельницей по делу являлась ее младшая сестра Анна Самарина. Она позвонила в местное отделение милиции и сообщила о том, что ее сестра не возвращается с прогулки. Дежурный порекомендовал подождать ее возвращения до утра. Анна Самарина ждала еще некоторое время, затем не выдержала и пошла искать свою сестру самостоятельно. Когда она шла по главной аллее парка, внимание ее привлекло тихое поскуливание, доносящееся из кустов. Она пошла на этот звук, раздвинула ветки и увидела свою сестру, лежащую на траве в неестественной позе. Рядом находился мужчина в военной камуфляжной форме. Она сразу поняла, что сестра мертва и, боясь, что мужчина заметит ее, убежала. На выходе из парка она увидела патрульную машину, остановила ее, сообщила о случившемся и привела на место преступления сотрудников милиции. Впоследствии на опознании она уверенно указала на Громова и сообщила, что именно он находился рядом с трупом ее сестры в ночь убийства. Помимо нее, в деле имелась еще одна свидетельница, некая Клавдия Борисовна Носкова. Она видела, что около двадцати трех часов

Елизавета Самарина разговаривала с каким-то мужчиной в камуфляжной армейской форме, и, так же как и сестра погибшей, на опознании показала на Громова. На орудии преступления были найдены отпечатки Громова, на его куртке – кровь убитой, на теле и одежде погибшей – его сперма. При задержании Громов оказал сильное сопротивление, и была применена сила в соответствии с законом...

Наконец привели Громова, вернее, то, что от него осталось. Если бы Аркадий случайно встретил его на улице, то никогда не признал бы в этом человеке своего друга детства: неровная и неопрятная борода, волосы, торчащие в разные стороны, глаза, не выражающие ничего, кроме апатии и отсутствия интереса к жизни. Андрей прошел в комнату, сел на стул и отвернулся к стене. Разговаривать с новым адвокатом он явно был не намерен.

– Ну, здравствуй, Андрей, – начал Арестов, чтобы привлечь внимание Громова. – Вот и свиделись, дружище. Жаль, что при таких печальных обстоятельствах.

Андрей встрепнулся и стал сосредоточенно вглядываться в лицо Арестова.

– Аркадий? Ты? – удивленно спросил он и вскочил со стула. Некоторое время он стоял и ошарашенно смотрел в сторону Арестова, затем медленно сел, нервно потер виски, закрыл лицо руками и заплакал. Страшно, когда мужчина плачет, не слюняй и сосунок, а настоящий мужчина, который прошел войну и видел смерть не в кино, а рядом с собой. Такого мужчину нельзя утешать и показывать ему свое сострадание. Аркадий знал это, поэтому сидел молча и ждал, когда Андрей придет в себя. Громов наконец успокоился.

– Как ты здесь оказался, Аркаша? – устало спросил он.

– Именно этот вопрос я пришел задать тебе, Андрей. Еще я пришел помочь тебе выбраться из этого скверного места, и как можно скорее, – весело сказал Аркадий, стараясь изо всех сил подбодрить Андрея. Он сказал эти слова только потому, что ему было необходимо внушить Громову веру в себя, помочь ему обрести уверенность и надежду.

– Это Маша тебя прислала, да? Можешь не отвечать, я знаю ответ. Аркаша, я ведь тогда... и до сих пор... в общем, я испытываю чувство вины перед тобой, ну, за то, что она меня тогда выбрала, а я...

– Ты-то тут при чем? – перебил Андрея Арестов. – Все было по-честному, Андрей.

– Знаешь, я ведь до сих пор люблю ее, Аркаша. Я так перед ней виноват! Если бы я мог все исправить! Если бы она простила меня! Но ничего нельзя исправить. Маша, наверное, ненавидит и презирает меня, но тебя о помощи все же попросила. Я знаю, она это из чувства долга сделала, она такая женщина великодушная...

– Дурак ты, Громов, – остановил причитания Андрея Арестов. – Любишь, говоришь? Любишь, а не знаешь ее – из чувства долга какого-то! Совсем ты тут одичал. Любит она тебя и ни на секунду не поверила в твою виновность. Поэтому твоя жена меня нашла и настояла, чтобы я взялся за это тупиковое дело. Так что хватит нюни распускать, соберись. Мне нужен от тебя четкий рассказ о том, что произошло. Важна каждая деталь, даже самая, на твой взгляд, незначительная.

– А если я виновен, ты будешь защищать меня? – тихо спросил Громов.

– Я в любом случае буду защищать тебя, Андрей, – стараясь скрыть волнение, сказал Арестов. Андрей молчал, глаза его испуганно бегали из стороны в сторону, руки тряслись. – Ты убил эту девочку, да? – осторожно спросил Аркадий, и сердце его болезненно сжалось.

– Я не знаю, – еле слышно ответил Громов. – Я не помню этого. Только вдруг?..

– Слушай, – разозлился Арестов, – я сюда пришел, чтобы доказывать твою невиновность, а не наоборот. Давай рассказывай, что помнишь и знаешь. Выводы после будем делать.

– Ладно, не злись. Я был в парке, вернее, я там жил. Когда Маша от меня ушла... я не мог в квартире находиться. Вещи ее кругом: то расческа, то помада – ну, сам понимаешь. Два дня выдержал, а на третий взвыл, купил себе бутылку и нажрался. Потом совсем крышу сорвало, и я вообще в парк переселился. Ночи теплые, лето. В квартиру больше не возвращался. Спал

на лавке и пил потихоньку. В ту ночь просыпаюсь, а очков нигде моих нет. Напротив девушка стоит. Привязалась ко мне, как банный лист – вроде перепихнуться со мной хочет. Наплела мне, что вроде больна и без этого дела не может. Поначалу я думал, что она меня разыгрывает. Разозлился сильно, думаю – вот зараза, мне и так фигово, а она издевается! Я ее отпихнул от себя, она даже на асфальт упала. Упала и заплакала. Мне ее почему-то так жалко стало... Стал я ее успокаивать – и успокоил на свою голову, – нервно рассмеялся Андрей. – Извини, Аркаша, ты просил подробно все рассказать, дальше интимные подробности идут, неудобно мне.

– А в камере тебе удобно? – спросил Аркадий без намека на иронию, и Андрей понял, что рассказать надо действительно все.

– В общем, я согласился. Она сказала, что зовут ее Лиза, и попросила отойти в кусты, чтобы ее не увидели знакомые. Я ей говорю, давай, мол, выпьем для храбрости. Но она очень решительно – нет, выпить ты еще успеешь, сначала – это...

* * *

– Ну это, так это, – нервно рассмеялся Андрей и обнял девушку за талию.

Она была совсем молоденькой, лица он, конечно, не разглядел, но фигура... Высокая, стройная, тонкая талия, упругая грудь, длинные ноги, темные роскошные волосы до талии – все в ней было ладно и совершенно. От девушки восхитительно пахло, не сильно, но он уловил в запахе ее духов легкий аромат миндаля. Запах возбуждал, сводил с ума...

Она провела его сквозь плотные заросли какого-то колючего кустарника и остановилась на небольшой полянке, залитой лунным светом. Луна освещала ее силуэт, и он на секунду замер и даже протрезвел окончательно: ему показалось, что она нереальна и, если вдруг он на секунду обретет полноценное зрение, она исчезнет, растворится в воздухе, будто ее никогда и не было... Он стоял и замороженно смотрел на нее, не решаясь подойти ближе. Она поняла его нерешительность, почему-то посмотрела на часы – он уловил это характерное движение руки – и стала раздеваться. Она снимала с себя одежду резко и нервно, совсем не так, как, на его взгляд, она должна была это делать – сказочное видение в один миг исчезло. Он вспомнил, для чего его позвали, и прекрасный образ феи, созданный его воображением, сменился образом озабоченной нимфоманки, испорченной, но по-своему несчастной – несчастной и неудовлетворенной, как и он сам. Внезапно у него возникла сильная эрекция, он даже не ожидал от себя такой «стойкости». Образ Маши, до этого витавший где-то рядом и мешающий расслабиться, исчез, чувство вины отступило, наоборот, в голове мелькнула мысль, что жена сама во всем виновата, что это из-за нее он докатился до жизни такой. Ощущение придало ему решимости, вспыхнула звериная страсть, он бросился к девушке и рывком привлек ее к себе.

Они с иступлением катались по земле, меняя одну позу на другую. Но перед тем, как все произошло, Лиза остановила его и надела ему презерватив. Когда все кончилось, она быстро оделась, сняла с него «резинку» и сказала:

– Пойду выкину в урну, а ты выпей пока – отметь нашу бурную ночь.

– Да прекрати, бросай здесь, – возразил Андрей.

– Нет, дети могут наткнуться, надо выкинуть в урну, – упрямо повторила Лиза и скрылась в кустах. Андрей развеселился. Бывает же такое?! Отдалась первому встречному в парке на траве и в то же время о детях беспокоится! Он откупорил бутылку и сделал внушительный глоток – водка обожгла гортань и, попав в пустой желудок, вызвала сильный спазм. Он сморщился от боли, но через минуту по телу разлилось тепло, в голове приятно зашумело, ужасно захотелось спать...

– Эй, Лиза! Ты где? Иди сюда, вместе выпьем, – позвал он ее. Она вышла из-за дерева и присела на корточки напротив. Андрей протянул ей бутылку, но рука ослабела, и он выронил ее – прозрачная жидкость потекла на траву.

– Какой ты неловкий... – сказала Лиза.

Сон все сильнее и сильнее наваливался на него. Андрей безрезультатно пытался побороть это состояние. Ему хотелось еще что-нибудь спросить у девушки, рассказать ей о себе, о своей жизни, но не смог: глаза сами собой закрылись, и он провалился в забытие...

Аркадий слушал повествование Громова очень внимательно, стараясь не упустить ни одной детали, но с каждой минутой все меньше что-либо понимал. Рассказ Громова не вязался с материалами дела, особенно с одной маленькой деталькой, и если бы Арестов не верил другу, то определенно бы решил, что у Андрея на почве пьянства поехала крыша до такой степени, что даже начались серьезные галлюцинации.

– Девушка была с собакой? – спросил Аркадий, после того как Громов замолчал.

– Не знаю, я внимания на это не обратил. Может, собака и была, в кустах где-нибудь бегала.

– Что произошло, когда ты проснулся?

– Я не сам проснулся, меня разбудили, – криво ухмыльнулся Андрей. – Менты меня так настойчиво хотели разбудить, что я потом переломанные ребра простыней фиксировал и мочился каждые десять минут. Очухался я, соответственно, от боли, рядом менты и девчонка эта, Лиза, мертвая лежит. Голова у меня сильно раскалывалась, первое время я вообще ничего сообразить не мог, только в кабинете следователя врубился, что мне крышка.

– Слушай, Громов, если ты ни черта не видишь, с чего ты взял, что в траве лежала именно та девушка, с которой ты любовью занимался? Может быть, это уже другая была. Ты уверен, что это была она?

– Уверен – она это была. Я хоть и плохо вижу, но не абсолютно же слепой, – разозлился Громов. – Юбка на ней была дурацкая, совершенно ей не шла, темная, с огромными светлыми цветами и идиотскими карманами, кофточка на пуговицах, светлая, туфельки тоже светлые, волосы темные, очень длинные – редкость в наше время. И почему ты меня об этом спрашиваешь? Ты что, дело не видел? Она сама мне имя свое назвала – Лиза. Убитую как звали? Тоже Лиза.

– Да в том-то и дело, что имя это она тебе сама назвала, – задумчиво сказал Аркадий.

– Я что-то не врубаюсь, Аркадий... Какого хрена ты ко мне привязался? Что ты от меня хочешь услышать?

– Правду, Андрей! Чистую правду! Сдается мне, что ты либо врешь мне все и не трахался с убитой, либо трахался, но не с убитой, а с другой женщиной.

– Я вообще уже теперь ничего не понимаю. Почему же я с убитой не трахался, когда я трахался! Другое дело, что спермы моей в ней не могло остаться, презерватив я использовал.

– Да не мог ты с ней трахаться! Еще раз тебе повторяю! Не мог, потому что Лиза эта убитая – девственница! Не было у нее ни одного мужика в жизни, с кем бы она имела половой акт в прямом смысле этого слова. Поэтому спрашиваю в последний раз: ты действительно занимался с ней сексом или просто пообжимался и кончил ей на живот? Такое иногда с алкашами случается. И не надо на меня смотреть, как на врага народа. Не веришь – тогда слушай, я прочитаю тебе результат вскрытия Самариной Е.Л. «...наличие девственной плевы у Самариной Е.Л. указывает на то, что никаких прямых сексуальных контактов она не имела. Изнасилована не была...», но это еще не все! Слушай дальше: «Смерть наступила мгновенно от проникающего ранения острым предметом в область сердца, затем были нанесены еще десять хаотических ударов в область живота. Это говорит о том, что убийца находился в состоянии крайнего нервного возбуждения. Сопротивление жертва оказала незначительное, имеется только синяк на запястье правой руки. На животе и одежде убитой Самариной Е.Л. обнаружены следы спермы. Учитывая это, выдвинуто предположение, что после смерти Самариной Е.Л. были произведены действия, носящие сексуальную окраску, то есть мастурбация на фоне созерца-

ния изуродованного трупа жертвы и семьяизвержение (эякуляция) на труп жертвы». Как тебе такой поворот событий?

По мере прочтения заключения лицо Громова приобретало разные цвета: от сине-серого до красно-лилового, а глаза выкатывались из орбит все больше и больше. Аркадий перестал читать и обратился к Андрею:

– Ты так удивлен, как будто тебя твой прошлый адвокат не знакомил с материалами дела. Он же должен был тебе все бумажки считывать.

– Я ничего не понимаю, Аркаша! Что это за белиберда с девственностью?! Прежний адвокат мне ничего об этом не говорил. Я имел эту девочку во все стороны, а она вела себя так, будто сквозь строй мужиков прошла! Да она трахалась как кошка, Аркаша, поверь мне. Девственница какая-то хренова! Не может этого быть. Не девственница, а шлюха – самая что ни на есть настоящая! Она... да она...

– Да заткнись ты наконец – она, она! Не она это была, а другая баба! Ты что, еще не понял этого до сих пор? Девственность, к твоему сведению, не восстанавливается. Ее хирурги иногда, правда, «штопают», но уж никак не патологоанатомы! Пойми, одна баба с тобой переспала, подсыпала тебе что-то в водку, чтобы ты отключился, потом убила эту несчастную Лизу Самарину, а ножик тебе в руку положила. Поэтому она тебе и представилась ее именем – Лиза, чтобы ты думал, что та баба, с которой ты переспал, и была Лиза Самарина.

– А сперма? Сперма моя как на теле этой Лизы Самариной оказалась? Та, другая, что, мой... этот... вытащила, пока я в отключке был, и... того самого – над телом убитой?!

– Это, милый мой, проще простого. Ни в какую урну она презерватив не выкидывала, а придержала у себя и затем вылила его содержимое на тело убитой! Но только неувязочка небольшая получилась – не знала она, что Лиза эта девственницей была. Хотя это уже неважно, тебе и так хватит. Сексуальные действия извращенного характера, произведенные с трупом, – звучит впечатляюще.

– Какой ужас! Надо же так вляпаться! А я все никак не мог понять, почему следователь меня так подробно расспрашивал о том, как я с ней этим делом занимался. Прицепился как банный лист. Теперь я понимаю, почему он ни одному моему слову не поверил! Что же делать? Кому это могло все понадобиться? У меня вроде врагов нет.

– Думаю, надо искать молодую женщину, которая тебя так классически подставила. И этой женщине по каким-то причинам сильно мешала Лиза Самарина. Ты же в этой истории оказался козлом отпущения, просто под руку подвернулся случайно, потому что пить надо меньше. Хотя, может, и не случайно... Ты в городе никого не знаешь: ни друзей, ни знакомых у тебя здесь нет, не видишь ничего. Определенно, не случайно! Очки ты свои когда потерял?

– В тот день и потерял. Перед тем как заснуть, вроде были они при мне. Проснулся – не нашел.

– Просто чудненько! Эта девочка очень умна, Громов. Она тебя заприметила – и все рассчитала, подготовила. Надо ее искать в окружении Лизы Самариной, сильно, видно, девушка ей на хвост наступила. Так, ну ладно, с этим мы разобрались. Переходим к следующему вопросу. При тебе нашли пузырек с психотропным препаратом, называется он фенектил. В небольшом количестве этот препарат обнаружен в твоей крови. Объясни, что это за ерунда такая?

– Никакая это не ерунда. Это лекарство прописано мне лечащим врачом. Я после ранения лежал в военном госпитале, а потом меня перевели в реабилитационный центр. У меня такая депрессуха началась, что я чуть руки на себя не наложил. Доктор мне и прописал эти таблетки. Препарат необходимо пить в течение нескольких лет.

– Насколько я знаю, психотропные препараты не употребляют вместе с алкоголем, Андрей, – поучительно сказал Арестов.

– Да знаю, знаю, что нельзя, поэтому я дозу и снизил, боялся, что коньки отброшу, – раздраженно сказал Громов. – По правде сказать, когда я очнулся, мысль у меня мелькнула

и до твоего прихода не отпускала – что я эту девочку убил. Доктор предупредил меня, чтобы дозу не менял, а я его не послушал. Поэтому я тебе и сказал в начале нашей беседы, что не знаю точно, убил или нет.

– Опять ничего не понятно. В твоей крови обнаружен алкоголь, еще небольшое содержание твоего лекарства – и все. Ты это все подтверждаешь, подтверждает это и экспертиза. Но почему тогда ты уснул, как только выпил из бутылки? Кстати, никакой бутылки при осмотре места преступления не нашли.

– Значит, она уволокла ее с собой, потому что в бутылке было намешано снотворное или еще какая-нибудь дрянь, которая меня и усыпила, – высказал свое предположение Громов.

– Так-то оно так, но в твоей крови, кроме водки и фенектила, ничего не обнаружено. Никакого снотворного. Потом, по материалам дела, ты вроде бы оказал сильное сопротивление сотрудникам милиции, и нашли тебя не спящим, а наоборот. Имеется и свидетельница этому.

– Ты мне не веришь? – подавленно спросил Громов.

– Я тебе верю, Андрей, не сомневайся. Но это все странно. Мне надо подумать над этим. – Аркадий встал и заходил по комнате. – Ладно, Громов, на сегодня все. Пойду я, у меня еще дел по горло. Завтра к тебе приду. – У двери он неожиданно остановился и вопросительно посмотрел на Андрея: – Слушай, Андрей... А почему ты сказал, что юбка девушке совершенно не подходила? С чего вдруг такая тяга к моде?

– Знаешь, когда отказывает один из органов чувств, например, зрение, – застенчиво начал объяснять Громов, – другие органы становятся более чувствительными, что ли. Ты смотрел фильм с Аль Пачино «Запах женщины»? Вот и со мной такая метаморфоза произошла. От той девушки пахло красотой и независимостью, а одежда, которая на ней была, предназначалась скорее романтической идеалистке. Ну, бывают такие дамочки с приветом небольшим, девственницы-недотроги, «повернутые» на любовных романах эпохи рыцарей.

– Девственницы-недотроги, говоришь? – издал нервный смешок Арестов. – Ладно, нюхач хренов, Аль Пачино недоделанный, к сожалению, ты не видел фото этой убитой девочки – про мертвых плохо не говорят, – но она страшней атомной войны, бедняжка. Думаю, если бы ты ее понюхал – я имею в виду ту, которую убили, – то, руководствуясь обонятельной теорией, о которой ты мне так увлекательно поведал, у тебя бы точно не встал!

Глава 5

Слежка

То, что за ним следят, он понял сразу, как только вышел из СИЗО. Почувствовал спинным мозгом, затылком, и это ему очень не понравилось. Всю дорогу до гостиницы он периодически внимательно смотрел в зеркало заднего вида, но никакого «хвоста» за машиной не заметил и, вздохнув с облегчением, решил, что это разыгралось его воображение. Аркадий припарковал «Тойоту» на маленькой гостиничной стоянке, вышел из машины и вновь ощутил на себе чей-то прожигающий взгляд. Он осторожно огляделся: немногочисленные прохожие спешили по своим делам, никто из них не привлекал к себе внимания, не выделялся из толпы, но странное ощущение не отпускало. Поежившись, словно от холода, он осмотрелся еще раз и пошел по направлению к входу в гостиницу со странным названием «Путь».

Под бдительным оком администраторши, пышно-грудой «девицы» лет пятидесяти с голубыми волосами, закрученными в редкие замысловатые завитки, он заполнил карточку гостя, внес задаток за неделю вперед и получил ключ от двухкомнатного номера категории люкс. Все происходило так нудно и долго, что когда Арестов наконец очутился в своем номере, который располагался в другом крыле здания, он, особенно не осматриваясь, скинул с себя потевшую за день рубашку, снял ботинки, с наслаждением прошелся по прохладному неровному полу, подошел к окну и распахнул его. Пейзаж, представший его взору, поверг адвоката в легкое замешательство: окна номера выходили на привокзальную площадь, где всюду шла торговля овощами и фруктами, бабульки в платочках торговали семечками, туда-сюда сновали неопрятные тетки с огромными баулами, поддатые таксисты резались около своих таратаек в карты, ожидая редких пассажиров. Внезапно в окнах зазвенели стекла, закачались стены гостиницы, и Арестов почувствовал, как пол под ним вибрирует и подпрыгивает. «Землетрясение», – мелькнуло у него в мозгу, и Аркадий испуганно заметался по комнате, сшибая попадающиеся под руки и под ноги предметы, пытаясь сообразить, что делать. Решив наконец, что безопаснее выпрыгнуть в окно, он подбежал к нему и услышал душераздирающий гудок – к станции «Солнечная» подошла очередная электричка. «Прекрасно, – грустно подумал Арестов, – отдыхать и работать буду в комфорте и тишине. Градостроители продумали все до мелочей. Единственную гостиницу в городе расположили практически на железнодорожном пути! Замысел архитекторов и проектировщиков был вполне понятен: они совершенно не хотели, чтобы гости оставались в городе надолго – и создали для этого благоприятные условия. А чего я, собственно, хотел от гостиницы с многообещающим названием «Путь»? Странно, что, пока я оформлял проживание, никаких посторонних звуков не слышал. Хитрая администраторша окопалась в другом крыле, в комфорте и тишине. Завтра же переведусь туда, сегодня на это уже нет сил».

После третьей электрички, совершившей остановку в городе Солнечном, окно пришлось закрыть, доступ кислорода в номер прекратился, стало невыносимо душно, но зато намного тише. Изнывая от жары и духоты, он прошелся по пропахшему совдепией номеру и тут с удивлением обнаружил, что в спальне имеется кондиционер. На цыпочках, чтобы не спугнуть удачу, он подкрался к нему и, повторяя про себя молитву, осторожно нажал на кнопку «ВКЛ». Кондиционер гулко охнул, зарычал и выплюнул в лицо Арестову столб пыли и засушенных насекомых, которые в изобилии попали ему в глаза, нос и рот. Чихая, кашляя, плюясь во все стороны пылью веков и пытаясь проморгаться, он на ощупь, опираясь о стены, поспешил в ванную. В коридорчике Аркадий зацепился за что-то – раздался звон разбитого стекла. Он осторожно сделал шаг и взвыл – что-то острое впилось в ногу. Кряхтя и постанывая от боли, Арестов нагнулся, вытащил осколок из ступни, кое-как доковылял до ванной комнаты, открыл кран и... понял, что вода из крана течь не собирается. Высказав все, что он думает о гостинице, адми-

нистрации и городе Солнечном вообще, Аркадий задумался. Выход, однако, нашелся быстро: Арестов нащупал унитаз, открыл крышку бачка, умылся, промыл как следует глаза, прополоскал рот и напоследок щедро высморкался. Окрыленный и прозревший, он выпорхнул из ванной, осторожно переступил через осколки и с радостью обнаружил, что в комнате свежо и прохладно. Жизнь, кажется, стала налаживаться: вибрирующие стены и шум от проходивших электричек уже не так раздражали, номер не казался чужим и неудобным и, если бы не ступня, которая немного побаливала и до сих пор кровоточила, все было бы просто отлично. Аркадий позвонил администратору и попросил прислать горничную убрать осколки и медсестру обработать ему рану, а также поинтересовался, почему в ванной нет воды. Администраторша клятвенно заверила его, что вода, горничная и медсестра будут у него с минуты на минуту, скупно извинилась и почему-то пожелала ему спокойной ночи, хотя часы показывали только девять вечера. Чтобы как-то себя занять до их прихода, он прилег на диванчик в гостиной, закинул ногу повыше и погрузился в чтение документов. До суда необходимо было сделать многое. О том, чтобы вытащить Громова под залог, не было и речи. Арестов после встречи с Громовым уже составил несколько апелляций и прошений, хотя было очевидно, что все они будут отклонены. Аркадий не стал расстраивать Громова и посвящать его во все детали, но ему сразу стало понятно, что дела у Андрея даже хуже, чем можно было бы представить. Складывалось такое впечатление, что не только женщина, с которой переспал Громов, подставила его. По цепочке все пошло дальше, и следовательно кое-что самолично подправил в деле, чтобы скрыть мелкие нестыковки и приглушить факт неправомерного применения силы при задержании. «Только что именно он подправил? – размышлял Аркадий. – Подговорил свидетелицу или по душам побеседовал с экспертом? А если и то и другое? Тогда Громову крышка однозначно, они насмерть будут стоять за своих сотрудников. Все повязаны одной веревкой. Радует пока только одно: дело будет рассматриваться в областном, а не городском суде. Остается рассчитывать на то, что судья такого масштаба будет объективен, и удастся склонить его к тому, чтобы дело вернули и передали для проведения дополнительного расследования. Но это только мечты, а пока будем искать настоящего убийцу, ловить свидетелей на неточностях и искать процессуальные нарушения, любые, даже самые незначительные, на которые обычно адвокаты смотрят сквозь пальцы».

Телефонный звонок прозвучал так резко, что Арестов чуть не свалился с дивана. Он взял трубку:

– Слушаю, – ответа не последовало, в трубке стояла зловещая тишина. – Алло, говорите, – чуть громче обратился он к неизвестному собеседнику, но трубка по-прежнему молчала. Затем пауза прервалась короткими гудками.

«Возможно, помощница не может дозвониться», – подумал Аркадий, отсоединился и набрал номер своей конторы. Ира подняла трубку практически сразу.

– Аркадий Александрович? Здравствуйте, я слушаю вас внимательно и жду ваших указаний, – затараторила она в трубку, как только услышала его голос. Арестов скривился: иногда тон помощницы невероятно бесил его.

– Это ты сейчас мне в гостиницу звонила?

– Нет, – удивленно возразила девушка. – Я, как вы мне и велели, ждала вашего звонка.

– Тогда записывай. Самарина Елизавета Львовна, год рождения 1986-й. Училась в Полиграфическом институте на художника-оформителя, на втором курсе вечернего отделения. Записала? Узнай про нее все, что сможешь. Мне важно знать любые детали: с кем дружила, с кем общалась, круг ее интересов, были ли у нее конфликты с кем-нибудь? В деле о ней практически ничего нет, кроме положительной характеристики с места учебы и хороших отзывов соседей. Поняла?

– Поняла, Аркадий Александрович, – сказала Ира.

– Тогда у меня все, действуй, я рассчитываю на тебя. Завтра приеду в Москву, переоденусь, возьму кое-какие вещи и буду ждать тебя в конторе. Пока.

Аркадий положил трубку, и в памяти всплыло лицо Лизы Самариной. Фотографию девушки он достаточно придирчиво рассмотрел, когда знакомился с материалами дела, и хорошо запомнил ее. «Кому могла помешать эта дурнушка? – размышлял он. – Убийство из ревности однозначно отпадает. Деньги? Эта версия вскользь отрабатывалась следователем. Необходимо выяснить, какие были отношения у сестер между собой и почему Анна Самарина дала по делу не совсем правдивые показания». Арестов поразмышлял еще какое-то время, и его начало клонить ко сну. Глаза сами собой закрылись, и он начал проваливаться в царство Морфея, тело его расслабилось, но вдруг мозг просигнализировал ему об опасности. Аркадий резко сел на диване и прислушался – кто-то пытался открыть дверь его номера. Мгновенно мобилизуя свои силы и волю, Аркадий в три прыжка преодолел расстояние от гостиной до спальни и затаился у дверного косяка.

Дверь медленно открылась, и кто-то вошел в номер, волоча на себе что-то тяжелое. Он это понял по дыханию и шагам визитера. Арестов испуганно огляделся. Внимание его привлекла металлическая статуэтка, изображающая Ленина в полный рост, которую кто-то заботливый с любовью водрузил на прикроватную тумбочку. На цыпочках он подошел к тумбочке и взял статуэтку в руку – тяжесть макета вождя мирового пролетариата ему понравилась. Удовлетворенный, он так же тихо вернулся к двери и занял оборонительную позицию.

Глава 6

Студенты

Ирочка Белозерова к поручениям шефа относилась ответственно и, ко всему прочему, имела одно неопенимое качество – она легко умела расположить к себе людей. Обладая простой, открытой душой и глазами, полными искреннего участия к судьбе ближнего своего, Ирочка без особого труда добивалась от собеседника любой нужной ей информации. Поэтому уже через час она выходила из деканата опустевшего на лето института, в котором училась Елизавета Самарина, держа в руках список с телефонами и именами сокурсников девушки. Представившись журналисткой вымышленного журнала и сославшись на то, что она пишет статью о жизни Елизаветы Самариной, Ирочка обзвонила всех и, вычислив из немногочисленных оставшихся в Москве на летние каникулы тех студентов, кто был особо приближен к кругу общения девушки и обладал наиболее полной информацией о ней – а таких оказалось всего трое, – собрала их в одном недорогом, но уютном кафе, расположенном в центре города. Отказаться от ее приглашения было сложно – обещанная халява сломила слабое сопротивление, хотя особенно никто и не отказывался, все дружно охали в трубку, сочувственно вздыхали и обещали помочь. К девяти часам вечера вся компания уже была на месте. Ирина заказала ребятам пиво, соленые орешки и чипсы, но студенты не прикасались к угощению, а внимательно разглядывали ее. Было заметно, что их что-то беспокоит.

– Скажите, Ирина Матвеевна, – настороженно спросил один из компании, Костик Завьялов, худой длинноволосый парнишка, облаченный в ярко-оранжевый свитер, который был велик ему размеров на шесть. – То, что мы вам расскажем, не повредит памяти Лизы?

– А что, информация, которую вы собираетесь мне рассказать, может как-то скомпрометировать девушку?

– Ой, ну я не то хотел сказать, – покраснел парнишка. – Вы не добавите ничего такого от своего лица о Лизе? Ну, знаете, как бывает, мы вам одно, а вы потом такого понапишете, что глаза из орбит повылезают.

– Во-во, – подтвердила Катя Логинова, красивая темноволосая девочка, увешанная всевозможными фенечками с ног до головы. – Мы сейчас вам о Лизе одно расскажем, а потом в вашем журнале какая-нибудь лажа выплывет.

Третья девочка, белобрысая остроносая Таня Матвеева, интенсивно закивала головой и ничего не сказала.

– Что вы, что вы, – возразила Ирина и искренне улыбнулась. – В нашей редакции такие вещи недопустимы. После того, как статья будет готова, каждому из вас будет передан экземпляр для детального изучения, и только после этого, если вам все понравится и вы подпишете материал, статья будет опубликована.

– Ну тогда все о'кей, – обрадованно сказал Костик, пригубил пиво, до этого нетронутое из принципиальных соображений, и спросил: – Что вы хотели узнать о жизни Лизы? Мы постараемся на все вопросы ответить.

– Расскажите то, что сами считаете нужным, а потом я уточню детали, которые мне будут непонятны, – мягко попросила Ирина.

– Тогда ты начинай, Кэт, – дал указание подруге Костик. – Ты у нас о Лизавете лучше всех расскажешь.

– Н... да, – задумчиво сказала Кэт, и глаза ее увлажнились. – Жаль ее, сил нет! Мы до сих пор в себя прийти не можем. Вся группа на похоронах в голос выла, гроб весь цветами завалили. Были и такие, которые в обморок грохались, наша Танька, например, – девушка кивнула в сторону подруги, – впечатлительная она у нас очень.

– При чем тут впечатлительная, – возразила Таня. – Несправедливо это! Не за что ее было убивать, она ведь такая была... таких нет больше, – еле слышно сказала Таня и заплакала.

– Ну хватит нюни распускать, – резко осадил ее Кэт. – Ирина Матвеевна пришла получить дельную информацию о Лизе, а не слушать твои причитания. Но если честно, – более мягко сказала Катя, обращаясь к Ирине, – у всех в тот день на устах был вопрос: «Почему она?» – но никто не находил ответа. Лизу любили все. Преподы наши предрекали ей великое будущее, она самая талантливая из всех была. Сочетала, что называется, несочетаемое. Все ее работы на выставках первые места занимали. Ей на втором курсе уже работу высокооплачиваемую предлагали, только она все время отказывалась, говорила, что хочет сначала нормально доучиться, а деньги ей по фигу были, как и собственная внешность.

– Лиза была непривлекательна внешне? – спросила Ирина.

– Непривлекательна? – переспросила Кэт. – Да нет, вполне симпатичная она была. Я по поводу одежды говорила – напаялит вечно на себя невесть что. Потрясающее несоответствие: жуткий вкус в одежде и изысканный, утонченный в дизайне и оформлении помещений.

– Ну, это ты чересчурхватила, – возмущенно возразил Костик. – Шмотки она, конечно, нестильные таскала, но вполне соответствующие ее облику. К тому же, чтобы прикинуться нормально, нужно бабки иметь, а у нее их сроду не было. И с внешностью у Лизаветы нашей большие проблемы были, я к ней полгода привыкал, но потом пообщался с ней поближе и перестал замечать ее некрасивость. Вспомни, Кэт, ты сама мне все уши в первый день учебы прожужжала: смотри, какой крокодил с нами учиться будет, кошмар, кошмар, – смешно передразнил Костик подругу.

– Мало ли что я тогда говорила, – обиженно поджала губы Катя. – Я ведь тогда молодая и глупая была. Сейчас-то я понимаю, что неважно, какие у девушки глаза и нос – главное, что у нее внутри. А ты, болван, этого не понимаешь, прыщик маленький вскочит на моем лбу, ты сразу нос от меня воротишь.

– Понимаю я все, – разозлился Костик. – Тоже мне, сравнила жопу с пальцем! Не сомневаюсь, что у Лизы внутри было что-то, только этого у тебя и подавно нет. Вот и приходится довольствоваться внешней оболочкой.

– Что ты сказал? – разгневанно прошипела Кэт и сверкнула глазами так, что даже Ирине стало не по себе. Необходимо было что-то предпринять, чтобы остановить скандал.

– Лиза имела близкого друга? – спросила Ирина, чтобы привлечь к своей персоне внимание и разрядить накалившуюся обстановку.

– Конечно, имела. Самого потрясающего парня на нашем курсе прибрала к рукам, а нам пришлось довольствоваться всяким хламом, – злорадно сказала Катя и выразительно посмотрела в глаза своему обидчику.

«Ничья», – мелькнуло в голове у Ирины, и она задала следующий вопрос:

– Они долго встречались?

– Не очень, – ответила Катя, удовлетворенная результатом словесного поединка с Кости-ком. – Семен Гольденштейн на втором курсе пришел, перевелся из другого института. Не прошло и двух недель, а у них уже роман завязался. Любовь началась страшная. Они как две половинки одного целого были, к тому же Семен – еврей. Лиза ведь по родному отцу еврейка, и для нее почему-то очень важно это было. Глупость, по-моему, но это у нее такой заскок был. Повернутая она на этой теме была. Они даже пожениться собирались, Семен ее и родителям представил.

– Родители не возражали против их брака? – спросила Ира, ей показалось, что она наконец-то нащупала что-то важное.

– Что вы, напротив, были только рады этому, – ответил Костик. – Мне Семен рассказывал, что мать его очень обрадовалась, что он нашел себе девушку подходящую. До этого у него была подруга, но мать ее категорически не приняла, думаю, без национальных заморочек

здесь не обошлось. Я у Семена в гостях был, и он мне фотографии показывал. Видел я его бывшую – красавица, ничего не скажешь, разница с Лизой колоссальная, ничего общего нет.

– Может быть, Семен выбрал Лизу, потому что хотел успокоить свою мать? – осторожно спросила Ира.

– Нет, – твердо сказала Кэт. – Лизу он любил. В любви невозможно притворяться. По Семену все девчонки курса сохли, а он будто никого вокруг не замечал, кроме своей Лизы.

– Как я поняла, свадьба не состоялась из-за смерти Лизы? – спросила Ирина. Но ребята не отвечали, а только испуганно переглядывались и сконфуженно опускали глаза, когда Ира смотрела на кого-то из них. – Они поссорились, да? – мягко спросила она, когда пауза затянулась.

– Да, – тихо ответила Таня.

– Из-за чего это произошло?

– Этого мы не скажем, – резко сказала Кэт.

– Не надо, если не хотите, – равнодушно вздохнула Ирина и посмотрела в окно. – Мне уже кое-что рассказали об этой ссоре. Лиза изменила Семену, поэтому он от нее ушел. – Ира намеренно высказала версию, которая была, на ее взгляд, самой абсурдной, и, к счастью, попала в цель. Ребята округлили глаза.

– Ты слышала это, Кэт?! – громко возмутился Костик, который не выдержал первым наглой клеветы. – Кто это вам такое фуфло понагнал? Не так все было!

– А как? – не выражая особенного интереса, спросила Ирина.

– Хорошо, мы вам все расскажем, но только потому, что не хотим, чтобы вы печатали про Лизу всякую ерунду, – взял на себя инициативу Костик. – Только одно условие, об этой истории вы в своей статье ничего писать не будете. Так и знайте, мы статью не завизируем, если вы об этом напишете.

– Согласна, – кивнула головой Ирина.

– Вечеринка у нас была. Собрались мы нашей дружной компашкой пивка попить и покуражиться. Было это у Лизы дома, у них с сестрой родичей нет, и она всегда нас к себе звала, никогда не отказывала. Выпили мы, посидели, а потом провал... Хрен его знает почему, никто ничего не помнит. В общем, и рассказывать-то нечего, только после того вечера у Лизы резко разладились отношения с Семеном. Что там произошло, никто из нас не знает. До этого они вообще не ссорились. А тут раз – и полный разрыв. Мы, конечно, переживали за них, понять пытались, из-за чего это могло произойти, и пришли к выводу, что Семен кого-то оприходовал той ночью, а Лиза об этом каким-то образом узнала.

– А много народу было на той вечеринке? – заинтересованно спросила Ирина.

– Да не особо: мы втроем, Лиза и Семен соответственно, две девочки из нашей группы, близняшки, Мила и Лиля, случайно к нам прибились, они обычно с нами не тусуются, ну, и Настя Колесникова – бывшая лучшая подруга Лизы.

– Я думала, это вы самые близкие друзья Лизы? – удивленно спросила Ирина.

– Мы по институту друзья, а с Настей Колесниковой Лиза с детства дружила. Как она говорила, с Настей они еще в один горшок писали.

– А почему – бывшая?

– Потому, – неприязненно ответила Катя. – Сообразила, наверное, наконец-то, что своей жизнью надо жить, а не Лизкиной. Она за ней как банный лист везде таскалась, даже в институт они вместе поступили. Только таланта у нее художественного не было, учиться ей было тяжело, и, если бы не Лиза, Настю отчислили бы уже на первом курсе. Лиза сама неоднократно предлагала Колесниковой перевестись в другой институт, но она упрямилась, по пять раз один и тот же зачет пересдавала. Лизка ее буквально за уши за собой тянула.

– Тянула, тянула – и надоело ей, наверное, тянуть. Мы даже удивились, что Настя забрала свои документы и ушла из института, – вставил свое слово Костик. – Наплела нам, что, мол,

решила поступать в медицинский, видит в этом свое призвание. Ей, конечно, никто не поверил, потому что забрала она свои документы в середине второго курса. На фига это нужно было делать? Придурочная какая-то.

– Значит, Настя ушла из института, и после этого у нее прекратилась дружба с Лизой?

– Окончательно и бесповоротно, – убежденно сказал Костик. – Во всяком случае, вместе мы их больше не видели.

– А Семен? Он до сих пор учится у вас на курсе? – спросила Ира.

– Семен тоже ушел, – продолжила Кэт. – До конца второго курса доучился, хотел Лизу вернуть, но не вышло. – Кэт помолчала некоторое время, потом добавила задумчиво: – Лиза вела себя так, будто Семена больше не существует. Но это она только вид делала. Извелась вся, похудела, но не простила его.

– Видно, той ночью она воочию измену его видела, – нерешительно сказала Таня, которая до этого почти все время молчала. – Мы поэтому пытались с Семеном после смерти Лизы связаться, хотели, чтобы он на похороны пришел и прощение еще раз у нее попросил. Только он за границей в это время был, а его мать категорически отказалась сообщить ему о трагедии. Он до сих пор ничего не знает, вернется только через пару месяцев.

– И у вас совершенно нет никаких подозрений, с кем мог в ту ночь переспать Семен?

– Послушайте, – неожиданно разозлилась Кэт, и голос ее приобрел истерические нотки. – Я что-то не пойму, зачем это вам? Мы вам рассказали о том, что Лиза – чиста и непорочна, что вам еще надо?! Да с любой из нас он мог в тот вечер переспать. Это вообще никакого отношения ни к чему не имеет. Глупость это все! На той вечеринке все «в ноль» были. И он не исключение! Выпил, и башню от пива сорвало. Я бы на месте Лизы простила – а она нет! Гордая она очень была!

– Прекрати! – крикнул Костик, схватил Кэт за плечи, развернул к себе лицом и посмотрел ей в глаза. – Прекрати немедленно, – еще раз, но уже тише сказал он, и Кэт сразу успокоилась и сникла. – Простите ее, – обратился он к Ирине, – у нас всех нервы сдают после смерти Лизы. Спрашивайте еще, мы ответим на ваши вопросы.

– Да, да, простите меня, – добавила Кэт совершенно спокойно, будто и не было у нее до этого срыва, – спрашивайте, Ирина Матвеевна.

– С сестрой у Лизы были хорошие отношения? – задала Ира последний вопрос.

– Лизавета сестру обожала, – плотоядно улыбнулся Костик и сразу получил подзатыльник от Кэт. – Ну чего ты? – обиделся он.

– Нечего слюни распускать, – осадила Костика Кэт и обратилась к Ирине: – Я когда в первый раз Аньку увидела – обалдела, даже сразу не поверила, что они сестры. Мне Лиза рассказала, что Анна сводная, а не родная ее сестра. Мать у них одна, а отцы разные. Тогда мне стало понятно, почему они совсем не похожи между собой. Анька симпатичная, волосы светлые, а Лиза, видно, в своего отца пошла. Он погиб, когда ей было всего три месяца. Потом ее мать вышла замуж еще раз, и родилась Анна. Разница у них в возрасте небольшая, всего два года.

– Не симпатичная, а красивая, – влез Костик и еще раз получил подзатыльник от Кэт.

– Сестры ладили между собой? – еще раз повторила свой вопрос Ирина, потому что ответ Костика ее не устроил.

– Лиза после смерти родителей заменила Аньке мать. Они же сиротами остались. Два года назад отчим умер, мать недавно за ним отправилась, и Лиза все заботы об Анне на себя взяла: стирала, убирала, готовила. Анька, по-хорошему, ленивая очень. Лиза ее жалела. Теперь Аня одна совсем осталась, жалко мне ее, – Кэт замолчала, и глаза ее опять увлажнились.

– А на что же девочки жили? Анна работала?

– Как же, будет она ручки марать. Она и в институт не стала поступать. Говорю же, ленивая она очень, – раздраженно ответила Кэт, и глаза ее сразу просохли.

– Но ты же мне до этого сказала, что Лиза тоже не работала. Где же они деньги брали? – удивленно спросила Ира.

– Ну вы даёте, откуда же, по-вашему, студенты деньги берут? – воскликнула Кэт так, будто Ирина спросила абсолютную глупость.

– Откуда? – заинтересованно спросила Ира.

– А предки на что? – вставил свое слово Костик. – Отец им деньги оставил, на это и жили. И деньги, судя по всему, немалые. Анька, во всяком случае, себе ни в чем не отказывает, одевается как топ-модель: шузы за двести баксов, джинса родная – даже я при своих богатых шнурках себе такого позволить не могу.

– Шнурках? – переспросила Ирина.

– Ну да, шнурки – это предки, – объяснил Костик.

– Понятно, – улыбнулась Ирина. – А почему же тогда Лиза так плохо одевалась?

– Так это Аньке отец деньги оставил, а не Лизе. Лиза только временным опекуном была, и, хотя Анька не возражала против того, чтобы Лиза на себя их тратила, она ничего подобного себе не позволяла. Но надо было знать ее. Она, знаете, какая была? Таких нет больше, понимаете? Это счастье было – знать ее, быть с ней рядом. Она только отдавала и ничего не требовала взамен, – с надрывом сказал Костик и заплакал...

Ирочка Белозерова узнала еще многое о Елизавете Самариной, после выпитого пива языки у студентов развязались окончательно, и они, обливаясь слезами, засыпали Ирину рассказами о Лизе. Ни одного плохого слова в адрес девушки произнесено не было, только самое хорошее говорили они о ней, и говорили так, что Ирина сама чуть не расплакалась. Расчувствовавшись, Ирина поблагодарила ребят за помощь, заказала им еще по пиву, простилась и вышла на улицу. На улице уже было темно, она посмотрела на часы – полночь. Озадаченная, она постояла некоторое время в нерешительности. Жила Ирочка в ближнем Подмоскowie, в городе Железнодорожном, и пять минут назад последняя маршрутка, на которой можно было добраться до ее дома, отбыла от станции метро «Новогиреево». Пользоваться электричками в столь позднее время Ирочка боялась, а таксисты запрашивали такую сумасшедшую сумму, что расстаться с ней было бы кошунственно, потому что после этого пришлось бы ограничить себя в потреблении тортиков и пирожных, а также сдобных булочек на целых три дня. Такого Ирочка допустить не могла, поэтому после некоторого раздумья она зашла в ночной магазин, купила бисквитный торт, украшенный взбитыми сливками, чтобы не скучно было коротать время в одиночестве, и отправилась к себе в офис писать отчет для своего шефа о жизни Елизаветы Самариной.

Прибыв в контору, Ира приготовила большую кружку кофе, щедро разбавила его сливками, отрезала пару внушительных кусков кулинарного шедевра, разместила их на тарелке и в предвкушении удовольствия уселась за стол. Не успела она поднести ложку ко рту, как зазвонил телефон.

– Алло, – ответила она на телефонный звонок.

– Ирунчик, почему ты до сих пор на работе? – спросил взволнованно ее муж. – Почему ты не позвонила и не предупредила, что задерживаешься?

– Венечка? Ты же сегодня в ночную смену работаешь? – в свою очередь удивилась Ирина. Муж Ирины работал шеф-поваром в ночном клубе. Сегодня он должен был трудиться всю ночь на очень важном банкете, поэтому она не стала звонить домой, а в ресторан тем более, так как муж очень не любил, когда его отрывали от таинства поварского искусства.

– Банкет отменили, я пришел домой пораньше, а тебя нет. Я так волнуюсь, Ирунчик. Что случилось?

– Венечка, у меня все в порядке, не волнуйся. Просто я на маршрутку опоздала и решила остаться в офисе на ночь.

– Бедная моя, – сочувственно сказал Белозеров. – А ты не голодная? Хочешь, я приеду и привезу тебе покушать? Я сегодня приготовил для тебя биточки из парной свининки, залитые сметанным соусом с грибочками.

У Ирочки потекли слюнки, но она стойко ответила: «Нет». Время было позднее, и рисковать мужем ради любимых биточков она не стала, тем более на столе ее ждал торт, на который она сразу же и обрушила весь свой разыгравшийся аппетит, как только простилась с мужем.

Глава 7

Отраженное нападение

Арестов прятался за дверью, стараясь не дышать и подняв над головой тяжелую статуэтку. Незнакомый в другой комнате остановился, бросил что-то тяжелое на пол. «Ковер, в который завернуто мое мертвое тело», – подумал адвокат и поежился. Шаги стали тихо приближаться к двери спальни, послышалось тихое треньканье стекла. Воображение Аркадия нарисовало ампулу и шприц со смертельным содержимым, и вся жизнь его за секунду пронеслась у него перед глазами. Легкие шаги за дверью приближались, а жить хотелось все больше и больше. Еще секунда, и в спальню войдет убийца, и кто победит в смертельной схватке, знает только бог. Аркадий напрягся и приготовился к удару.

Неожиданно незваный гость остановился, раздался приглушенный вскрик, кто-то или что-то упало на пол, и все стихло. Адвокат постоял некоторое время в нерешительности, потом осторожно выглянул из своего укрытия. В номере уже было темно, но то, что он разглядел в полумраке, повергло его в полный шок: на полу между спальней и гостиной лежала женщина, и с правой стороны ее головы растеклась темная лужа. Недалеко от нее валялась непонятная конструкция, отдаленно напоминающая огромную соковыжималку. Кроме женщины, в комнате больше никого не было. Адвокат быстро нагнулся над ней и коснулся шеи – пульс слабо прощупывался. Рядом с головой женщины валялась какая-то баночка. Аркадий предусмотрительно не стал брать ее в руки. Он отошел от женщины, включил свет и, вздрогнув, уронил статуэтку Ленина, которую продолжал сжимать в руке, себе на ногу. Боли он даже не почувствовал, болевые рецепторы в растерянности отказались выполнять свои обязанности, а мозг усиленно пытался понять, с чем ему идентифицировать картину, представшую перед ним. Дело в том, что лужа у головы несчастной оказалась не красного, а зеленого цвета. Стараясь не думать об инопланетянах, Арестов еще раз нагнулся над женщиной и похлопал ее по щекам – она не прореагировала. Тогда он подошел к столу, схватил графин с водой и вылил половину его содержимого ей на лицо. Женщина приподнялась и, резко размахивая руками и судорожно хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, стала безумно вращать глазами. Наконец остановила свой взгляд на Аркадии, с минуту смотрела на него почти осознанно, и выдала следующую фразу:

– А х... ли ты, му..., безобразничаешь?

Пока Арестов пытался вернуть своей отвисшей челюсти первоначальное положение, она опомнилась и затараторила слова извинения. После трех минут ее непрекращающейся болтовни терпение Арестова лопнуло, и он, набрав в легкие побольше воздуха, заорал во все горло:

– Молчать!!!

Женщина моментально заткнулась и уставилась на Арестова испуганными глазами. Аркадий перевел дыхание и уже тихо, но настойчиво спросил:

– Ты кто?

– Горничная, – сглотнув слюну, проблеяла женщина.

– Что ты делаешь в моем номере?

– Так вы же сами меня вызвали, – объяснила женщина и робко ткнула рукой в сторону того предмета, который Аркадий принял за большую соковыжималку.

– Что это? – опасливо спросил он.

– Как что? – воскликнула горничная. – Пылесос... моющий, между прочим, – гордо добавила она. Аркадий присмотрелся повнимательней и с искренним удивлением понял, что перед ним действительно пылесос, только какой-то странный и нелепый: с таким производством инженерной мысли ему еще не удавалось сталкиваться ни разу. Постепенно смысл происходящего начал укладываться в его мозгу.

– Тебя как зовут-то? – с улыбкой спросил он горничную.

– Клава, – смущенно сказала женщина.

– Зачем же ты, Клава, его на себе тащила? Тяжело, наверное?

– Зачем, зачем? – обиженно поджала губы горничная. – Колеса отвалились, вот зачем. Я Гришку уже неделю прошу прикрутить, говорю, тяжело ведь мне. А он, урод, только водку жрать мастак.

– Значит, ты пришла убираться, но почему не постучалась? – веселился Арестов.

– Так я стучалась, несколько раз стучалась, а вы не отворяете. Я забеспокоилась, может, случилось чего? Вы же сказали администраторше, что ногу поранили, я зеленку вот принесла, – горничная ткнула пальцем в баночку, валяющуюся на полу, выругалась, заметив лужу, и продолжила свое объяснение: – Поразмышляла я маленько у двери, тут мне вдруг мысль пришла, что вы встать не можете, и решила я своим ключом дверь открыть. Зашла, смотрю, нет никого и тихо. Втащила я пылесос, посмотрела в комнате, пошла в спальню, а на полу это... ну, следы... ну, в общем, болезнь у меня такая, кто-то темноты боится, кто-то в лифте ездить...

– А, понял, ты крови боишься, – захохотал Аркадий и вытянул вперед окровавленный носок.

– И ничего тут смешного нет, – приглушенно сказала горничная, посмотрела на ногу Аркадия, посинела и снова грохнулась в обморок.

– Блин, – грустно сказал Аркадий и схватился за пылесос.

Вычистив номер, смыв с пола и с себя следы крови – к счастью, рана уже затянулась сама, – он тщательно постирал свой носок и только после этого начал приводить горничную в чувство. Вылив полграфина воды ей на лицо, выслушав в очередной раз душеспитательную фразу о том, кто он такой и почему безобразничает, потом кучу извинений в свой адрес, он, совершенно обессиленный, спросил:

– Клавушка, объясни мне, родная, какого хрена ты приперлась мне рану обрабатывать, если так крови боишься?

– Так я должность медсестры совмещаю. Кушать-то хочется. Зарплата маленькая – вот и кручусь. А инциденты такие, ну, с кровью связанные, раз в году случаются. Так и живу. Вы уж будьте снисходительны, не протрепите про меня администраторше, а я для вас все что угодно сделаю, даже постель с полотенцами буду каждый день менять...

«Интересно, – размышлял Аркадий, проводив горничную и клятвенно заверив ее, что он будет молчать как рыба. – Как часто вообще в этой гостинице меняют постельное белье?»

* * *

Москва встретила Арестова приветливыми огнями и хмурыми, невыспавшимися лицами сотрудников ГИБДД. Заскочив в свою квартиру, Аркадий быстро покидал в дорожную сумку все необходимое и поехал в контору.

На диване, смешно поджав под себя ноги, спала его помощница. Аркадий тихо приготовил себе кофе, на цыпочках прошел в свой кабинет, сел в кресло и заметил на столе отчет о Елизавете Самариной. Ирина поразила его в очередной раз, отчет был написан хорошим литературным языком и резко отличался от фактических записок, четких, конкретных и формальных, которые Ирина обычно составляла для него. Улыбнувшись, Аркадий погрузился в чтение, но спустя некоторое время улыбка его сменилась выражением сострадания и тоски, и Арестов понял, почему Ирина написала отчет подобным образом – сухим языком о Елизавете Самариной писать было нельзя. Аркадий дочитал отчет до конца и до боли сжал кулаки. К горлу подступил комок. «Какая тварь посмела убить и изуродовать такое чистое и непорочное существо? – с грустью думал он. – Почему именно такие, как она, становятся жертвами самых

отъявленных негодяев, извращенцев и маньяков? Почему такие люди, как Лиза, не задерживаются на этом свете долго?» – он задавал себе вопросы и не знал на них ответов.

Аркадий вновь представил себе лицо Лизы – и не увидел в нем ничего некрасивого. Ира в отчете точно подчеркнула момент, что все одноклассники Лизы не замечали ее непривлекательную внешность, напротив, считали, что Лиза вполне симпатичная. Пожалуй, зря он отверг версию с ревностью. Хотя с Семеном Лиза рассталась давно, но ревность временных рамок не знает. Эту версию надо проработать основательно. По поводу денег и наследства все понятно. Отчим Лизы поступил, мягко говоря, некорректно: родная дочь получила все, а приемная – ничего. После смерти матери Лиза становится опекуном сестры и имеет право распоряжаться деньгами Анны, но она ограничивает себя практически во всем, а сестру, напротив, балует, мало того, заменяет ей мать: ведет все хозяйство в доме, в общем, холит и лелеет маленькую лентяйку. У Анны убивать Лизу не было никакого резона. В любом случае она получила бы все деньги после достижения совершеннолетия. Остается вопрос: почему все-таки она дала не совсем правдивые показания по делу? И последнее: кто из девушек сейчас занимает лидирующую позицию в институте? Лиза была очень талантлива, могла мешать какой-нибудь честолюбивой сокурснице стать лучшей. Жаль, что так мало времени осталось до суда. Но начавшееся слушание – не помеха поискам. Даже если получится вытащить Громова благодаря нестыковкам в показаниях свидетелей и процессуальным нарушениям, которые в любом деле имеются в изобилии, стоит только получше покопаться, поиски убийцы он продолжит в любом случае...

– Аркадий Александрович, вы давно здесь? – вывела его из задумчивости Ирина. – Что же вы меня не разбудили?

– Проснулась? – улыбнулся Аркадий. – Не хотел тебя будить, мне так понравилось слушать, как ты мелодично храпишь во сне.

– Не может этого быть! – Ирочка смутилась и покраснела. – Вы меня разыгрываете! Сейчас же скажите, что это неправда, иначе я напишу заявление об уходе!

– Конечно, неправда, – шутливо прореагировал Аркадий на ультиматум помощницы. – Подтверждаю, что ты не храпишь... ну если только самую малость.

– Ах, так! – разозлилась помощница и вылетала из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Аркадий повеселился еще какое-то время и заглянул в соседнюю комнату. Ирочка сидела за своим столом и что-то писала, обиженно надув губки.

– Что пишем, душа моя? – ласково пропел Аркадий.

– Заявление об уходе, – буркнула помощница, даже не взглянув на своего шефа.

– А я его не подпишу, – протянул Арестов.

– Почему это еще? – спросила Ирина, продолжая писать.

– Основание для ухода какое-то нелепое. Прошу уволить меня по собственному желанию, потому что мой шеф слышал мой храп и отказывается во всеуслышание заявить, что этого не было, – смешно копируя интонацию Иры, сказал Арестов и расхохотался. Ира скомкала лист бумаги, бросила его в Аркадия и тоже расхохоталась. Инцидент был исчерпан.

– Кофейку? – миролюбиво спросила Ирина, вытерев платочком выступившие от смеха слезы.

– С удовольствием, – улыбнулся Аркадий.

– У меня еще печенье есть. Будете? – поинтересовалась Ирина, с тоской глядя на помойное ведро, где покоилась пустая коробка из-под торта. Аркадий кивнул. Ирина приготовила кофе, они сели друг против друга за стол в кабинете Арестова, обсудили план действий и пришли к обоюдному соглашению, что начать следует с проверки бывшей девушки Семена. Кто это такая, предстояло выяснить у матери Семена Нинель Абрамовны Гольденшейн.

Глава 8

Первые подозрения

Тяжелая металлическая дверь, обитая дешевым дерматином с внешней стороны, открылась не сразу, хотя они договорились о встрече заблаговременно по телефону. Арестов не стал придумывать никакой истории, а честно рассказал матери Семена о том, что он адвокат и ведет дело, где в качестве обвиняемого выступает человек, по его мнению, невиновный в смерти Елизаветы Самариной, и теперь Аркадий собирает информацию о Лизе, чтобы выяснить все ее связи и вычислить настоящего убийцу. Нинель Абрамовна поотпиралась некоторое время, но все же согласилась встретиться, пригласила их к себе и тактично намекнула, что к чаю у нее ничего, кроме самого чая, нет. Аркадий намек понял, купил по дороге дорогой торт, и они вместе с Ириной прибыли по указанному адресу.

Наконец щелкнули замки в количестве пяти штук, и Нинель Абрамовна предстала перед Аркадием и Ириной во всей своей красе. Роста Нинель Абрамовна оказалась маленького, но выглядела в глазах окружающих тем не менее значительно, потому что очень сильно раздавалась вширь, особенно в той части, которая располагалась ниже предполагаемой талии. Предполагаемой, потому что точно определить место нахождения этой части тела у Нинель Абрамовны было бы затруднительно, так как область возможного поиска была тщательно замаскирована внушительного размера грудью. Они поздоровались, Аркадий продемонстрировал свое удостоверение, Нинель Абрамовна мельком, но внимательно взглянула на него и пригласила их войти.

– Проходите, проходите, – засуетилась она. – Такое горе, такое горе! Я совершенно сама не своя с тех пор, как узнала о несчастье, которое совершилось с Лизой. Семен, когда узнает, тоже будет сам не свой, – Аркадий протянул ей торт. – Боже мой, зачем вы так потратились?! – воскликнула она и подхватила коробку. – Проходите в комнату, сейчас я заварю чай, и мы побеседуем. – Нинель Абрамовна провела их в гостиную, усадила в мягкие кресла и вышла.

Аркадий огляделся. Гостиная, по всей вероятности, была просторной, но огромное количество мебели разных эпох и поколений, непонятным образом втиснутое в помещение, делали комнату маленькой и неуютной. Похоже, в этом доме не выбрасывали ничего. В комнате стояли четыре кресла: два совсем новых, дорогих и модных, два старых, потертых, купленных во времена тотального дефицита еще в 70-е годы. Часть комнаты занимала полированная финская стенка, до отказа забитая посудой, рядом с ней стояли массивное антикварное бюро на львиных лапах и стул, украшенный головой дракона, вероятно, наследство от прабабушек или прадедушек. Два стола: обеденный, покрытый красной бархатной скатертью, и журнальный, заваленный огромным количеством старых пыльных журналов. Но семья Гольденштейн далеко не бедствовала, достаток угадывался в мелочах и определенно присутствовал. Телевизор был очень дорогим, видеомагнитофон и музыкальный центр – тоже. Да и мать Семена была одета хоть и безвкусно и нелепо, но дорого. За фигурой она не следила, но кожа была гладкой и нежной, как у девочки, лицо светилось здоровым румянцем, волосы были тщательно уложены и подстрижены у хорошего мастера.

Нинель Абрамовна вернулась и, ловко маневрируя между мебелью, вкатил в комнату столик на колесах, на котором красовались чашки из тонкого великолепного фарфора, китайский чайник, тарелка с порезанным тортом и сахарница. Она разлила по чашкам чай, раздала всем по кусочку торта, наконец села, вопросительно посмотрела на Аркадия и опять запричитала:

– Семен у меня единственный сын. Вы должны понять меня, как мать я не могла ничего ему сказать о смерти Лизы. Он ведь так ее любил, так любил! Семен сейчас в Израиле у своего дяди, вернется только через два месяца.

– Из-за чего они расстались с Лизой? – спросил Аркадий.

– Разве ж я знаю? Уехал с ночевкой к друзьям, вернулся – и весь белый. Я к нему: что, сыночка, случилось? А он молчит. Только спустя месяц мне признался, что с Лизой у него разрыв произошел. Но он так страдал, так страдал! Я его и отправила за границу.

– Значит, вы не знаете, почему они поссорились?

– Нет, нет, я ничего не знаю, – торопливо сказала Нинель Абрамовна и улыбнулась. По «честным» глазам Нинель Абрамовны Аркадий понял, что мать Семена знает все, но ничего не скажет потому, что не хочет компрометировать сына. Значит, действительно Семен изменил Лизе на той вечеринке. Но почему он это сделал, если так любил девушку? Неужели он и правда так напился, что ничего не соображал? Хотя не это важно, а важно другое.

– Скажите, Нинель Абрамовна, у Семена была до встречи с Лизой другая девушка? – спросил Арестов и отхлебнул из чашки чай.

– Да, конечно, была. Он даже жениться хотел. – Нинель Абрамовна нахмурилась и добавила: – Мой сын очень красивый молодой человек, но совершенно бестолковый. Сколько раз я ему говорила, что для того, чтобы быть с девушкой, совершенно не обязательно жениться. К тому же должна признаться, что дамочка была, мягко говоря, ему неподходящей партией. Я еле уговорила его расстаться с ней, пришлось даже из института его перевести в другой вуз. А та, пока он с Лизой не познакомился, продолжала названивать и даже у дома его поджидала несколько раз. Семен ей объяснял все очень вежливо, я с ней беседу проводила, а она не унижалась. Сколько я от нее оскорблений в свой адрес услышала... невоспитанная, наглая девка! Хотя красивая, не могу не признать. На голливудскую звезду чем-то похожа. Как же ее... Ах да, Шерон Стоун, только губы другие, пухлые и порочные.

– Семен любил ее? – спросила Ирина, прикончив свой кусок торта, и вежливо поинтересовалась: – А можно мне еще тортика?

– Нет, совершенно он ее не любил! – воскликнула Нинель Абрамовна, поморщилась, потом улыбнулась и обратилась к Ирине: – Конечно, милочка, угощайтесь на здоровье, – опять поморщилась, подняла вверх густые темные брови и продолжила: – Так вот, только они познакомились, а она его сразу в постель потянула. А он у меня очень благородный, решил, что если он был с ней близок, значит, должен жениться. Я ему объясняла, что не пара она ему. Она, представьте себе, откуда-то с Украины приехала, в общежитии живет. А провинциалки – очень шустрый народ, чтобы прописку в Москве получить, на все что угодно пойдут. Вы не подумайте обо мне плохо, но на ее симпатичном личике все написано было. Вместо глаз – счетчик. Я не просто так говорю, я справки о ней навела, кроме Семена, у нее мужиков целый батальон был, но только мой простофиля на ее удочку попался, еле удалось ему глаза раскрыть. Божечки мои, как я настрадалась тогда, даже поседела вся, – закатила глаза Нинель Абрамовна и провела пухлой ручкой по своим иссиня-черным волосам.

– Но Лиза тоже не москвичка, – осторожно заметил Арестов.

– Лиза – это совершенно другое дело, – всплеснула руками Нинель Абрамовна. – Лизонька светлая девушка была. Скромная, умная, воспитанная, талантливая, очень к своим корням привязанная. Она бы ему хорошую партию составила. Такое горе, такое горе, что она из жизни ушла! Ее Семен любил по-настоящему и, если бы свои половые гормоны контролировал... – Мать Семена поняла, что проговорились, и испуганно заморгала глазами.

– С кем Семен изменил Лизе, вы знаете? – открыто спросил Арестов.

Нинель Абрамовна тяжело вздохнула.

– Вы должны понять меня, я, как мать, этого не одобрила. Он и сам до сих пор понять не может, как это случилось. Говорит, пил пиво, а потом – провал. Очнулся в постели без одежды, а рядом голая девушка из их компании спит. Он вскочил и бросился одеваться, и тут Лиза в комнату вошла. Она посмотрела на него, потом на нее, ничего не сказала и вышла. Он пытался Лизу вернуть, только она его не простила. Вот такая грустная история.

– Имя этой девочки, с которой застала его Лиза, вам известно? – спросил Аркадий.

– Нет, в такие подробности он меня не посвящал. Да разве это важно, с кем? Сделал он, дурак, глупость, жизнь свою загубил. Он ведь до сих пор Лизу любит, звонит мне и спрашивает: не объявлялась ли, не звонила ли. Рассчитывает, что простит она его когда-нибудь. А у меня от этих вопросов сердце кровью обливается. Что будет, когда он вернется? Как я ему об этом расскажу?..

* * *

Расстались они хорошо. Нинель Абрамовна снабдила Арестова адресом бывшей девушки Семена, пожелала им найти убийцу и тактично намекнула напоследок, что им необходимо обязательно учитывать то, что в стране развелось много антисемитов, и именно они, враги еврейского народа, причастны к смерти Лизы.

По дороге до общежития, где жила Оксана Груненко, бывшая девушка Семена, Аркадий веселился, развивая эту тему.

– Представь, Ирина, в Солнечном действует подпольный синдикат, который отслеживает всех полукровок в городе и беспощадно их уничтожает, чтобы русская нация возродилась, – смеялся Аркадий.

– Аркадий Александрович, я в этот город ни за какие коврижки не поеду, даже не уговаривайте, – улыбнулась Ирина.

– Так... – протянул Аркадий, с удивлением косясь на свою белобрысую голубоглазую помощницу. – Как понимать твоё высказывание?

– Я, представьте себе, только по мужу Белозерова, а прадедушка мой, между прочим, был раввин. Так что в городе Солнечном меня однозначно укокошат.

– Надо же, какие подробности я узнаю о своих работниках. Ну что же, придется оставить тебя за старшую в Москве. Не подвергать же твою бесценную жизнь опасности! Но если серьезно, как ты думаешь, Нинель Абрамовна говорила правду о том, что Лиза ей нравилась и она не возражала против брака своего сына с ней? – перевел разговор на другую тему Арестов.

– Мне кажется, что да, – просто ответила Ирина. – Мне вообще все больше и больше кажется, что Елизавета Самарина была любима всеми.

– Так-то оно так, но кто-то же ее убил, и убил не от большой любви, а от сильной ненависти. Что может вызывать такое чувство?

– Только ревность, – убежденно сказала Ира.

– К сожалению, не только ревность, но еще и зависть. Так что пока у нас две версии, и фигурируют в них две женщины. Первая, Оксана Груненко, бывшая подружка Семена, и вторая, неудачница Анастасия Колесникова, бывшая подружка Елизаветы Самариной. Предположим, она тянулась за своей подругой, потому что хотела всем доказать, что ничем не хуже ее. Они вместе росли, но Лиза оказалась талантливей, Настю это очень обидело, и она решила отомстить.

– Все правильно, Аркадий Александрович. Я тут подумала и сопоставила кое-что: почему она действительно сорвалась с учебы в середине семестра? Почему перестала продолжать отношения с Лизой? Может, наоборот все было, и это Лиза перестала общаться с Настей? Вечеринка-то та злополучная как раз в середине второго семестра и была...

– Ты умница, Ира. Из этого следует, что именно она – предполагаемая разлучница. Лиза застукала ее со своим любимым и прекратила с ней все отношения. Настя понимает, что теперь никто не будет ей помогать в учебе, и забирает документы. Тут вообще двойной мотив: Настя завидует, что Лиза талантливей ее, и еще завидует тому, что Лиза заполучила лучшего парня на курсе. Так как догнать в учебе подругу не получается, нужно попытаться заполучить Семена или же, еще хуже, подстроить все так, чтобы Лиза обо всем узнала. Знаешь, что мне не нра-

вятся: ребята пили пиво, и все, как один, утверждают, что ничего не помнят, что у них полный провал. Как можно после пива так отключиться? Ну один перебрал, ну двое – не все же.

– В этом как раз ничего странного нет. Наверняка они травки покурили, – возразила Ирина. – Меня-то они в это, естественно, не посвятили, но и так все понятно. У меня племянница их возраста, она мне рассказывала, что сейчас в институтах творится, для них это теперь норма.

– Может, ты и права, – задумчиво сказал Арестов, – только Громов травки не курил и пиво не пил, а у него те же слова с языка слетают – полный провал.

– Ой, Аркадий Александрович, ну вы совсем в какие-то дебри забрались. При чем здесь это? Не делайте дело сложнее, чем оно есть.

– Хорошо, хорошо, не буду, – засмеялся Аркадий. – Тогда подведем итоги. Что мы на сегодняшний момент имеем? Двух девушек, верно? Назовем их так: мисс Ревность и мисс Зависть.

– Верно. Но перед тем как мисс Ревность навещать, нужно коробку конфет купить. Мало ли, пригодятся. Общежитие – это дело такое, – деловито скомандовала Ирина.

– Ну раз это дело такое, давай купим, – не стал спорить Аркадий. Они подъехали к общежитию, купили в ближайшем магазине красочную коробку конфет и отправились в недра тайной жизни иногородних студентов Архитектурного института.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Аркадий со скучающей вахтершей, женщиной еще не старой, но с абсолютно седыми, гладко зализанными и собранными в пучок на макушке волосами. В ушах женщины поблескивали старомодные сережки с искусственными рубинами, одета она была в белую блузку с кружевами, шею украшало кольцо из янтаря – Арестов удивился, он совсем не так представлял себе работниц данной профессии. Вахтерша при их появлении оживилась, оглядела с ног до головы внимательными темно-серыми глазами и, оценив их внешний вид как достойный и приличный, добродушно улыбнулась.

– Навестить кого приехали? – любезно поинтересовалась она. – К кому прибыли, уточните? Вообще-то я комендант этого общежития, – добавила она смущенно, чтобы придать себе значимости, – вахтерша наша, баба Катя, к детишкам в деревню поехала, приходится заменять.

– Мы сразу так и подумали, – лстиво улыбнулся Аркадий, чтобы добиться ее окончательного расположения. – Нам бы хотелось поговорить с Оксаной Груненко, она проживает в этом общежитии, – объяснил Арестов и заметил, что лицо женщины мгновенно переменилось и от ее дружелюбия не осталось и следа.

– Зря приехали, – недовольно заворчала женщина и нахмурилась. – Не проживает она здесь больше, слава тебе господи!

– Давно? – спросила Ирина.

– Уж больше полугода. Так что ищите эту вашу Оксану Груненко в другом месте. Нет ее здесь и, к счастью, не будет. Если у вас все...

– Она что, вернулась обратно на Украину? – растерянно спросил Арестов, странная реакция комендантши на имя девушки его слегка озадачила.

– Не знаю я и знать ничего не хочу! – отрезала женщина и, вытащив откуда-то клубок и спицы, демонстративно погрузилась в вязание шерстяного носка.

– Послушайте, уважаемая, – разозлился Арестов, вытаскивая свое удостоверение и размахивая им перед носом комендантши, – я лицо, уполномоченное эту девушку найти и вручить ей повестку в суд. Она разыскивается по делу...

– Ах, вот оно что! Разыскивается, значит, – злорадно хмыкнула женщина, засунув недовязанный носок обратно в стол. – Что ж вы сразу-то не сказали? Раз дело такое важное – проходите. Только куда ж вас направить? В ее комнате сейчас другие девочки живут, новенькие. Подружка ее, Ленка Пырьева, тоже съехала, замуж выскочила. Остальные почти все на лето по домам разъехались, – сосредоточенно рассуждала комендантша. – А, вспомнила! Есть человек,

который, возможно, сможет вам содействие оказать. Алка Телегина, она вместе с этой тварью в одной группе училась. Идите, поговорите с ней, может, она знает, где сейчас эта Оксана обитает, чтоб ей пусто было.

– Что плохого вам сделала эта девушка? Почему вы так реагируете? – спросила Ирина.

– Гадина она, а не девушка! – вспыхнула женщина. – Гадина поганая! Только недавно гипс с ноги сняла. До сих пор хромаю. Что-то там неправильно срослось, а операция денег стоит.

– Что вы хотите этим сказать? – совсем растерялся Арестов. – Оксана Груненко вам ногу сломала?

– Она – тварь! Подножку подставила, когда я с лестницы спускалась. Только доказать ничего не удалось. Не видел никто этого инцидента.

– За что?! – изумилась Ирина.

– Хахалей ее гоняла! Замечания делала, – взвизгнула комендант. – Так вы идете или нет?

– Идем, – улыбнулась Ирина, и, выяснив у женщины номер нужной комнаты, они поднялись на второй этаж.

– Хорошая девочка, – нервно усмехнулся Арестов, стоя в коридоре перед дверью, – добрая, отзывчивая.

– Может, тетка выдумывает все, – неуверенно предположила Ирина и осторожно постучалась. На стук долго никто не откликнулся, наконец дверь распахнулась и на пороге появилась всклокоченная заспанная девица в байковом халате и одной плюшевой тапке. Студентка Архитектурного института была выше адвоката на две головы, широка в плечах и прочих частях тела.

– Вы Алла? – тихо поинтересовался Аркадий Александрович и слотнул слюну. «Такой ручкой сваи хорошо забивать», – опасливо подумал адвокат, и в памяти его всплыли всем известные строки из поэмы «Мороз, Красный нос» Некрасова «Есть женщины в русских селеньях...».

– Она самая. А чего надо-то? Сплю я, – пробасила Аллочка, широко и с удовольствием зевнула и окинула их недобрым взглядом.

– Поговорить, – пискнула Ирина, вытащила из пакета коробку шоколадных конфет и выставила ее перед собой, как оборонительный щит.

– Поговорить – это можно. Чайку сейчас организую, – мгновенно подобрела Алла, выхватила из рук Ирины коробку, зарумянилась и отступила от двери, пропуская их в комнату.

У Арестова и Ирины сразу отлегло от сердца, они робко вошли и огляделись. В комнате царил кавардак: на столе сгрудились грязные тарелки и стаканы, пепельница, полная до краев, смрадно воняла окурками, под столом выстроились в ряд пустые бутылки из-под пива и водки, на одной из кроватей мирно спала молодая светловолосая девушка, при их появлении она даже не пошевелилась. Похоже, что ночью здесь что-то активно отмечали. Но что удивило Аркадия, от Алочки совсем не пахло перегаром.

– Извините за бардак, – смущенно улыбнулась Телегина. – День рожденья у меня вчера был – вот друзья и нагрянули. А что? Нормально посидели. Ужрались, правда, малость. Вон, Сонька до сих пор в отключке. Сама-то я не пью, организм слабый. Капля алкоголя в кровь попадает – зверею сразу. Чуть что – могу в клочья порвать, поэтому опасаясь. Жаль будет, если кого зашибу ненароком. А вот сладкое очень уважаю, – добродушно объяснила Алла, открыла коробку, сунула одну конфету в рот, с наслаждением причмокнула, положила коробку на подоконник, включила чайник и засуетилась у стола, сгребая с него грязную посуду и мусор. – Вкусная конфетка, – довольно проворковала Алла и, сунув еще одну конфетку за щеку, поволокла посуду в раковину.

Ирина икнула и с ужасом уставилась на Аркадия, тыча в подоконник пальцем. Аркадий проследил взглядом за направлением ее руки и побледнел – конфеты, которые они презентовали Аллочке, были с ромом!

Алла вернулась, вытерла прожженную в нескольких местах скатерть тряпкой, налила чаю, поставила чашки перед Ириной и Аркадием и водрузила в центр стола коробку конфет.

– Я тоже сладкое жуть как люблю, – сообщила Ирина и запихнула в рот аж три конфеты разом.

– И я, – с широкой улыбкой доложил Арестов и тоже проглотил конфету, хотя шоколад терпеть не мог. Сладкая липкая масса встала у Аркадия Александровича поперек горла, но вкус рома во рту подтолкнул его к действиям. Аркадий сделал два больших глотка из чашки и торопливо запихнул в рот еще две конфеты. Ирина сделала то же самое. Аллочка Телегина, которая в это время уже было потянулась за конфеткой, так и осталась сидеть с вытянутой рукой и отвисшей челюстью, наблюдая, с какой жадностью гости пожирают шоколад, который презентовали ей всего пять минут назад. Ирина слащаво улыбнулась ошарашенной Аллочке, в два глотка допила чай и с облегчением вздохнула. Аллочка «отмерла», растерянно посмотрела на коробку, в которой не осталось больше ни одной конфеты, потом на Ирину с Аркадием, и сглотнула слюну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.